

Игумен АНДРОНИК (Трубацев)

СВЯЩЕННИК ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ— ПРОФЕССОР МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ И РЕДАКТОР «БОГОСЛОВСКОГО ВЕСТНИКА»*

На Маковце **

Почти тридцать лет жизни отец Павел провел в одном из удивительных мест нашей родины, которое он называл «маковцем — средоточию возвышенностью русской культуры» (В достохвальный «Маковец» ***. [Письмо от] марта 1925 г.). Сначала это были годы учебы (1904—1908) и преподавания (1908—1919) в Московской Духовной Академии, потом напряженный, исполненный патриотизма труд в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры (1918—1920), а затем время, когда деятельность отца Павла прямо не была связана ни с Лаврой, ни с Академией, но вдохновлялась и поддерживалась сложившимся ранее духовным строем. Почти тридцать лет отец Павел прожил сначала в стенах Лавры, как учащийся Академии, а затем в непосредственной близости от нее, в Сергиевом Посаде. Не удивительно, что он духовно сроднился с Лаврой и сумел проникновенно показать ее смысл и значение для России. «Есть тонкое очарование Лавры, — писал отец Павел, — которое охватывает изю дня в день, при вживании в этот замкнутый мир. И это очарование, теплое, как смутная память детства, уродяет душу Лавре, так что все другие места делаются отныне чужбиной, а это — истинною родиной, которая зовет к себе своих сынов, лишь только они оказываются где-нибудь на стороне. Да, самые богатые впечатления на стороне скоро делаются тоскливыми и пустыми, когда потянет в Дом Преподобного Сергия. Неотразимость этого очарования — в его глубокой органичности. Тут не только эстетика, но и чувство истории, и ощущение народной души, и восприятие в целом русской государственности, и какая-то, трудно объяснимая, но непреклонная мысль: здесь, в Лавре именно, хотя и непонятно как, складается то, что в высшем смысле должно называть общественным мнением. Это-то всестороннее жизненное единство Лавры как микрокосма и микроистории, как своего рода комплекса бытия нашей Родины, дает Лавре характер ноуменальности. Здесь ошутительнее, чем где-либо, бьется пульс русской истории, здесь собрано наиболее нервных, чувствующих и двигательных, окончаний, здесь Россия ощущается как целое» (27, с. 4).

Лавра есть художественный портрет России в ее целом, осуществление или явление русской идеи. По мысли отца Павла, Дом Живоначальной Троицы всегда создавался и создается сердцем России, а строитель этого Дома, Преподобный Сергий, — Ангелом Хранителем России. «Чититель Пресвятой Троицы, Преподобный Сергий строит Троицкий храм, видя в нем призыв к единству земли Русской, во имя высшей реальности. Строит храм Пресвятой Троицы, «чтобы постоянным взиранием на него, — по выражению жизнеописателя Преподобного Сергия, — побеждать страх пред ненавистною раздельностью мира». Троица называется Живоначальной, то есть началом, истоком и родником жизни, как Единосущая и нераздельная, ибо единство в любви есть жизнь и начало жизни, вражда же, раздоры и разделения разрушают, губят и приводят к смерти. Смертоносной раздельности противостоит живоначальное единство,

* Учебно-педагогическая деятельность священника Павла Флоренского рассмотрена ранее в отдельной статье — см. 44.

** Ср. также лекцию отца Павла «Московская Духовная Академия», которая пока не опубликована.

*** «Маковцем» назван Сергиев Посад, по наименованию холма.

неустанно осуществляемое духовным подвигом любви и взаимного понимания. По творческому замыслу основателя, Троичный храм, геннально им, можно сказать, открытый, есть прототип собрания Руси в духовном единстве, в братской любви. Он должен быть центром культурного объединения Руси, в котором находят себе точку опоры и высшее оправдание все стороны русской жизни» (27, с. 16—17).

Но если таково значение Лавры Преподобного Сергия для всей русской истории и жизни, то, несомненно, духовные истоки Московской Духовной Академии, Дома премудрости и разума, должны быть связаны с кругом идей обители Живоначала Троицы, Дома страха Божия, любви и веры Божией.

И это, действительно, так. Дом веры и Дом разума имеют в основании общий краугольный камень — идею единосущия. Идея единосущия лежит в основе Символа веры, тринитарной и христологической догматики, христианской философии и науки, норм деятельности разума и уставов духовной жизни. Само спасение — в единосущии человека с Церковью (14, с. 51—58; 80—81, 83—108, 279, 343). Вот почему отец Павел считал, что догмат единосущия Пресвятой Троицы выражает собой антиномическое зерно всего христианского жизнепонимания (14, с. 54), он есть общий корень религии и философии, в котором преодолевается их исконная противоборщенность (13, с. 10). «Тринипостасное единство — предмет всего богословия, тема всего богословия и, наконец, заповедь всей жизни. — Оно-то и есть корень разума» (14, с. 488). Поэтому основной задачей Московской Академии как духовного учреждения должно быть познание Пресвятой Троицы. Так выявляется онтологическая связь между Преподобным Сергием и Московской Духовной Академией. Но Преподобный Сергий научает нас не только тому, что, собственно, является истинным предметом познания, но и тому, как надо познать Тринипостасную Истину.

У нетленного тела Сергия Преподобного, всегда умиротворяющего встревоженную душу, каждодневно и каждодневно слышим мы призыв, обещающий покой и смущенному разуму. Все читаемое на молебне Преподобному 43-е зачало от Матфея (Мф. 11, 27—30) имеет преимущественно познавательное значение, осмелюсь сказать теоретико-познавательное, гносеологическое; и таковое значение этого зачала делается тем более ясным, когда мы взглянем, что предмет всей 11-й главы от Матфея есть вопрос о познании, о недостаточности познания рассудочного и о необходимости познания духовного. Да, Бог «утанл» все то, что единственно может быть названо достойным познания, «от премудрых и разумных» и «открыл это младенцам» (Мф. 11, 25). Было бы неоправдываемым насилием над словом Божиим перетолковывать «премудрых и разумных» как «мнимо-мудрых», «мнимо-разумных», а на деле не таковых, равно как в «младенцах» видеть каких-то добродетельных мудрецов. Конечно, Господь сказал без иронии именно то самое, что хотел сказать: истинная человеческая мудрость, истинная человеческая премудрость недостаточна по тому самому, что она — человеческая. И в то же время умственное «младенчество», отсутствие умственного богатства, мешающего войти в Царство Небесное, может оказаться условием стяжания духовного ведения. Но полнота всего — в Иисусе Христе, и потому ведение можно получить лишь через Него и от Него. Все человеческие усилия познания, измучившие бедных мудрецов, тщетны. Как нескладные верблюдь, нагруженные они своими познаниями, и, как соленая вода, наука только раздражает жажду знания, никогда не успокаивая воспаленного ума... Вот почему у гроба, прензляющего благодать, все звучат и звучат, как неумолчный ключ воды живой, Божественные благодати: «Вся Мне предана суть Отцем Моим: и никтоже знает (εἰδέναι) Сына, токмо Отец: ни Отца кто знает, токмо Сын, и ему же аще волит Сын открити (ἀποκαλύψαι). Приидите ко Мне, вси труждающиеся и обремененнии, и аз упокою (ἀναπαύσω) вы. Возьмите иго Мое на себе и научитесь от Мене (μαθετε ἀπ' ἐμοῦ), яко кроток есмь и смирен сердцем: и обратите покой (ἀναπαύσιν) душам вашим. Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть» (Мф. 11, 27—30)» (14, с. 12—13).

Но в родословной линии Московской Духовной Академии отец Павел указывал и на еще одного предка — Платона, которого называл истинным основателем Академии, вдохновителем ее и, если применить современное слово, — первым ректором ее. «Своим именем, — писал отец Павел, — мы признаем себя питомцами и той, Афинской Академии. Разумеется, в этом признании нет ничего унижительного для христианства. Разве христиане не бывали рождены языческими родителями? Так и мы — сыны древнего Пророка Аттики» (4, № 2, с. 285). Изучение платонизма показывает, что существует «удивительное сходство между учением отца нашей Академии и миропониманием еще более древних предков наших, теряющихся в тумане древности» (4, № 3, с. 422).

Их сродство — в корнях платонизма, «которыми он привлекает к себе почвенную влагу общечеловеческих верований. В этой почвенности платонизма, — писал отец Павел, — мне кажется, и завета причина его вечности. Ведь Платон не плод школьной философии, а цветок народной души, и краски его не поблекнут, доколе будет жить эта душа» (4, № 2, с. 286—287). Платонизм, писал священник Павел Флоренский, «влился возбуждающей струей в религиозную мысль человечества, не только языческого, но и христианского, не только христианского, но и магометанского и иудейского. Платонизм оказался мировоззрением, наиболее подходящим к религии, как таковой, и терминология платонизма — языком более всего приспособленным для выражения религиозной жизни. Но, будучи естественной философией всякой религии, платонизм имеет особое сродство с тою религией, пред которою все прочие еле-эле удерживают название религии. Одним словом, мы знаем, что в платонизме пред нами один из самых могучих, — скажу более, — самый могучий из ферментов культурной жизни. Но что такое платонизм — мы не беремся отвечать [...]. Будучи исходным пунктом стольких направлений мысли, из которых каждое представляет высокую стеньгу широты, не должен ли платонизм быть таким глубоким движением духа, которому уже нет наименования, кроме как символическое, уясняемое *per se*, а не *per aliud*? И, в таком случае, не правильнее ли разуместь платонизм не как определенную, всегда себе равную систему понятий и суждений, но как некоторое духовное устремление, как указующий перст от земли к Небу, от долу — горе?» (18, с. 43—44). Кроме того, платонизм есть наиболее жизненное проявление философского идеализма, а идеализм есть в конечном итоге учение о лестнице универсалий, об иерархии идей, горних сущностей, вся пирамида которых восходит к своей верховной точке, к Идее идей, к Богу как Сущности всех сущностей, ибо только в Нем они получают и свой разум, и свою реальность, к Троицине. «В догмате Троицы основные темы идеализма, слышавшиеся порознь и предварительно у разных исследователей, сплетены воедино и звучат в своей предельной отчетливости» (18, с. 134). Именно в этом смысле и Платона отец Павел называл «служителем Троицы»¹.

Так, в родословной Московской Духовной Академии соединились две линии — эллинская и русская, сошлись два родоначальника — философ-идеалист и игумен обители Живоначальной Троицы, два ярчайших представителя различных человеческих стремлений в их высшем развитии, весьма возможно для того, чтобы показать, как немудрое Божие оказывается премудрее всякой человеческой мудрости (1 Кор. 1, 25), и пред Крестом Христовым упреждается мудрость человеческая (1 Кор. 1, 17).

Как представлял отец Павел будущее Академии? «Московская Духовная Академия, — писал он, — питомица Лавры, из Лаврского просветительного и ученого кружка Максима Греча вышедшая и в своем пятидесятилетнем бытии, при всех своих скитаниях, неизменно блюдшая крепость уз с Домом Живоначальной Троицы, не без глубокого смысла, после четырехсотлетней своей истории нашла себе, наконец, место успокоения в родном своем гнезде и вот уже более ста лет пребывает здесь, с рукописными и книжными своими сокровищами. Эта старейшая Высшая Школа России духовно была и должна быть, конечно, отнюдь не самостоятельным учреждением, а лишь одною из сторон в жизни Лавры. [...]

Не исчислить всех культурных возможностей, столь естественных около Лавры, нельзя и предвидеть те новые дисциплины науки, сферы творчества и плоскости культуры, которые могут возникнуть и, наверное, возникнут с свершившимся переломом мировой истории — от уединенного рассудка ко всенародному разуму. Скажу короче: мне представляется Лавра в будущем русскими Афинами, живым музеем России, в котором кипит изучение и творчество и где в мирном сотрудничестве и благожелательном соперничестве учреждений и лиц совместно осуществляются те высокие предназначения дать целостную культуру, воссоздать целостный дух античности, явить новую Элладу, которые ждут творческого подвига от Русского народа» (27, с. 26, 28—29).

Священство

Годы преподавания отца Павла в МДА сложились из периодов его жизни совершенно разного духовного устройства. В личной жизни он за эти годы пережил глубокий кризис (1908—1910) и его преодоление — брак (1910). В своем творчестве отец Павел за эти годы перешел от теодицеи к антроподицеи. Но было и то, что скрепляло разные звенья как в личной жизни, так и в творчестве — священство. К священству П. А. Флоренский стремился в течение многих лет, чувствуя в этом и духовное, и родовое призвание. Но духовник П. А. Флоренского, епископ Антоний (Флоренсов), мудро предостерегал его не принимать священного сана, пока он не женится. Лишь

вступив 25 августа 1910 года в брак с Анной Михайловной, урожденной Гнацинтовой (31 января 1889 — †18 марта 1973), П. А. Флоренский смог исполнить свою заветную мечту.

5 апреля 1911 года митрополит Московский Макарий наложил резолюцию на сообщение ректора МДА епископа Феодора: «Профессора Флоренского разрешается рукоположить во священника с приписыванием его к Благовещенской, села Благовещенского, церкви» (письмо Московской Духовной консистории № 7783 от 14 июня 1911 года благочинному 2-го округа Дмитровского уезда протоиерею церкви в честь Рождества Христова Сергиева Посада Михаилу Багрецову).

Иерейский крест был подарен П. А. Флоренскому М. А. Новоселовым, который писал: «Прошу милого и дорогого Павла Александровича принять в дар этот иерейский крест от грешного раба Божия Михаила, уповающего на молитвы будущего иерея Павла. Радоница, 19 апр. 1911».

23 апреля 1911 года П. А. Флоренский был рукоположен ректором МДА Преосвященным Феодором, епископом Волоколамским, во диакона, 24 апреля — во священника (36, лл. 3—5; 34, с. 7).

О том, как благодатно воспринял П. А. Флоренский рукоположение в священный сан, свидетельствует его письмо В. В. Розанову 11 мая 1911 года: «Как хорошо, что Вы были добры не портить мне настроения моего отсоветованиями и прочими «препонами», которые в таких случаях почему-то всякий считает долгом своим ставить. Ведь все это время у меня, несмотря на усталость, на волнения, на тревогу за Анну (близко время ее), на кучу дел, такой праздник звенит в душе, такое торжество, словно настал день 7-й, словно наступила Вечная Пасха. Какой-то невыразимый, неосязаемый, непонятный для меня самого внутренний мир низошел в душу, в сердце, во все тело. *Внешне* — я все тот же: и сержусь, и раздражаюсь, и недоволен. А в глубине души достигнутое, завершенное, окончательное, словно свило гнездо свое и высживает птенцов. Я вернулся к предкам, и теперь, за несколько дней этих, я так привык к своему положению (при полной, поразительной для всех неумелости в деле службы), к рясе, к алтарю, к престолу, ко всему, что ни есть в церкви, что мне диким и непонятным кажется, как же это было раньше; не верится, чтобы могло быть иначе. Вся психология перевернулась. Вы поймите, Василий Васильевич, что это значит — почувствовать на себе руку епископа, непосредственно соединенного, телесно, физически с другим Епископом... с Апостолами, с Самим Христом. Ведь на себе чувствуешь *не иносказательно*, а буквально руку Христа Самого.

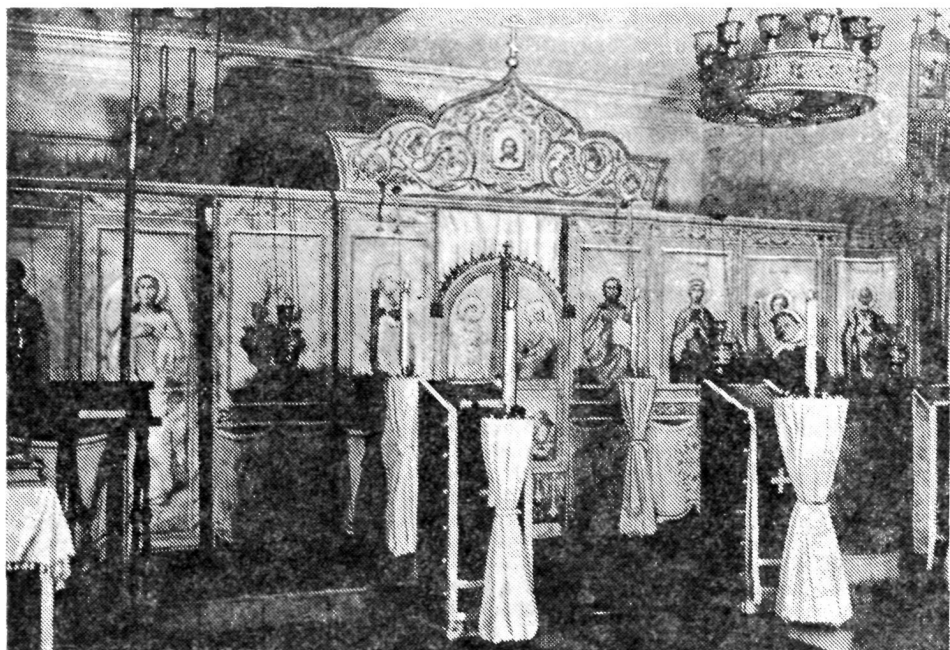
Впрочем, все это рассуждения. А факт тот, что посвящение, самый акт возложения руки ошеломил меня (дважды), ударил в пот, довел почти до потери сознания окружающей обстановки и дал что-то новое: *ens realissimus* для меня, *ens quipasi pihii* — для других. *Вкус* изменился, как вообще, так и пищевой. Любил я красное вино — теперь видеть не могу, иначе как в церкви, самое слово «вино» во всех его видах мне противно».

Отец Павел был посвящен ко храму в честь Благовещения Пресвятой Богородицы села Благовещенского, которое находилось в 2,5 км к северо-западу от Лавры. Он очень хотел там служить, но совмещать приходское служение при сельской церкви с преподаванием было невозможно, и митрополит Петербургский Владимир настоял на том, чтобы отец Павел служил в церкви во имя равноапостольной Марии Магдалины при сергиево-посадском убежище (приюте) престарелых сестер милосердия Красного Креста. Впоследствии отец Павел вспоминал: «Имел однажды я с ним (митрополитом Владимиром) и личный разговор по поводу моего назначения в село Благовещенское.



Священник Павел Флоренский
и издатель М. А. Новоселов,
20 сентября 1913 года

Это назначение не состоялось, вопреки моим стараниям и стараниям Преосв. Феодора. Но и слава Богу. Было бы очень худо мне быть в селе, особенно в таком, как Благовещенское, с его отноду не деревенскими крестьянами. Не знаю, сознательно ли, или бессознательно, служа воле Божией, митрополит Владимир не устроил меня в Благовещенском, несмотря на мое наивнопросительное письмо, несмотря на все хлопоты; он резко не отказывал, а вел восточную политику, м. б. он боялся, что я в селе буду проповедовать социализм? — Так ли, иначе ли, вижу в этом неназначении явную благую волю Божию. Епископ Антоний (Флоренсов) тоже не одобрял мне быть в селе» (запись 29.III.1918; см. также 42, № 10, с. 68).



**Интерьер храма Общества Красного Креста Сергиева Посада
во имя святой равноапостольной Марии Магдалины,
где служил отец Павел Флоренский**

С праздника Воздвижения Честного Креста Господня 1912 года отец Павел служил в сергиевопосадской церкви приюта Красного Креста. По воспоминаниям архиепископа Сергия (Голубцова), отец Павел, когда служил, делал возгласы медленно, внятно, но без аффектации. В богослужении отец Павел особенно ценил правильный темп, церковность чтения; намеренную выразительность он не терпел. Как-то П. А. Голубцов присутствовал при совершении отцом Павлом Таинства Крещения. Его поразила действенность закликательных молитв, произносимых отцом Павлом: «он читал их не вообще, а обращаясь непосредственно к закликаемым духам злобы. Впечатление было такое, что он физически чувствовал их».

С декабря 1914 года по конец февраля 1915 года отец Павел участвовал в работе военно-санитарного поезда Черниговской губернии в качестве полкового священника². «Будет лучше, — писал он семье, — если поступать по совести, а Господь тогда помилует всех нас и защитит от всех бед и напастей». Из Москвы поезд выехал на фронт 26 января 1915 года. 29 января отец Павел писал А. М. Флоренской со станции Жодня: «Вчера служили в поезде первую обедню на станции Барановичи. Конечно, в первый раз все путались. То пропадала книга, то нельзя было с Чашей пройти из алтаря из-за завесы, то что-нибудь пели невпопад. К тому же времени было очень мало, и надо было торопиться, читал молитвы почти скороговоркой. Только что кончилась

обедня, как поезд тронулся. Заготовление запасных Даров пришлось производить на ходу. Но вагон-церковь образован из теплушки, и притом предпоследний. На ходу она раскачивается, сухие толчки подбрасывают вещи, и сам стоишь очень нетвердо. Пол холодный, прохладный, и стоять на нем долго довольно трудно. Одним словом я [закончил заготовление —?] Св. Даров с великим трудом. А так как обедню мы начали в первом часу, то кончилось лишь к 5 1/2 или к 6. Но по крайней мере теперь я не буду с пустыми руками, если вдруг окажется надобность причастить кого-нибудь».

В тот же день священник Павел Флоренский написал студентам Академии: «1915.1.29. За 2 версты от Белостока. Дорогие друзья! Под пение нашего отряда, под свистки паровозов среди окликов и перекликов воинов, рассаживающихся по поездам, пытаюсь, довольно неудачно, читать ваши семестры, но больше думаю о вас, чем о ваших работах. — Тут у нас не происходит ничего особенного. Но в воздухе разлито тончайшее веяние смерти, и какая-то торжественная жертвенность чувствуется в бегающих с чайниками или скопом перебегающих из поезда в поезд солдатах. Они неказисты на вид. Одеты кое-как; неуклюжи и уж совсем не «по-военному» влезают на подножки вагонов. Нельзя сказать и о воодушевлении, о приподнятости их речей. Но за всем этим видится общая, не личная, одухотворенность и нравственная сила — видится».

Кроме служб, приходилось много дежурить по ночам, делать перевязки и оказывать первую помощь раненым. К 23 февраля 1915 года отец Павел вернулся в Сергиев Посад. Узнав, что он снова собирается ехать с санитарным поездом, Владыка Антоний писал 4 марта: «Примите мой совет, как послушание, не ездить с санитарным поездом. На это дело есть полковые священники и многое-множество иеромонахов, людей способных и крепких телом и духом» (42, № 10, с. 70). Причина препятствий Владыки Антония в поездке отца Павла на фронт была, конечно, не в том, что он берег своего духовного сына от опасностей войны. Но как раньше он не пускал его в монастырь и на сельский приход, так и теперь полагал, что долг и церковное послушание священника Павла Флоренского состоят прежде всего в преподавании в Академии, в богословских и научных исследованиях. В сергиевпосадской церкви приюта Красного Креста отец Павел прослужил до 4 мая 1921 года, когда сестры милосердия были переведены в Покровский Хотьковский женский монастырь, а некоторые из них перешли в Московскую Марфо-Мариинскую женскую обитель (на Ордынке). Сергиевпосадские сестры продолжали впоследствии духовно окормляться у отца Павла в течение многих лет.

В 1920-е годы отец Павел продолжал служить, но как неприходский священник, в церквях Сергиева Посада (Пятницкой) и Москвы (во имя пророка Илии «Обыденного», во имя Святителя Николая, «что на курьих ножках», и других, в Донском и Даниловом монастырях). В церковно-общественной жизни того периода отец Павел не участвовал, сохраняя каноническую верность Святейшему Патриарху Тихону, а впоследствии его Местоблюстителю Митрополиту Сергию. Сохранились свидетельства о встречах отца Павла со Святейшим Патриархом Тихоном: «Этот вечер с понедельника на вторник, — писал отец Павел 22 февраля 1924 года (ст. ст.), — был кануном памяти епископа Антония. В среду утром я был в Донском и служил панихиду с Патриархом, который меня узнал и очень ласково и даже радостно поздоровался со мною».

В записях отца Павла есть очень простые слова о значении в его жизни священного сана: «23 апреля 1916 г. Ночь. Сегодня исполнилось ровно 5 лет моего посвящения в диаконы, а завтра, в Неделю жен-мироносиц, 24 апреля, — 5 лет исполнится моего посвящения в священники. Оглядываясь назад, я благодарю Господа своего, давшего мне Свою великую милость. Не стану говорить о великости дара самого по себе, да м. б. и самой ничтожной доли его я все еще не ощущаю. Но в отношении к моей жизни. Что делал бы я, как жил бы без сана? Как метался бы и скорбел... Как плохо было бы Анне со мною и детям. И теперь нехорошо, но так мы все погубили бы. Правда, было много страданий, много неприятностей, связанных с саном, но что они все в сравнении с даром благодати! И как там ни говори кто, а саном я обязан епископу Феодору. Ему я воистину благодарен за дар, который получил от него не формально, а существенно».

Современников поражала глубина раскрытия дара священства в отце Павле. Протоиерей Сергей Булгаков вспоминал: «Однако все, что может быть сказано об исключительной научной одаренности о. Павла, как и об его самобытности, в силу которой он всегда имел слово свое, как некое откровение обо всем, является все-таки второстепенным и несущественным, если не знать в нем самого главного. Духовным же центром его личности, тем солнцем, которым освещались все его дары, было его

священство. В. В. Розанов, который, однажды узнав отца Павла, затем не мог уже от него оторваться, как от источника жизни [...], написал мне однажды о нем тоже совершенно гениальное по силе и выразительности письмо [...]. Я помню из него только одно слово. В качестве самого существенного определения. В. В. Розанов сказал: «Он есть *ιερέας* (именно по-гречески), *священник*. И это было именно так» (50).

Защита магистерской диссертации (1908—1914)

17 сентября 1908 г. П. А. Флоренский прочитал в Московской Духовной Академии (далее МДА) две пробные лекции по истории философии (см. 1; 2). Обе лекции были признаны удовлетворительными, и 23 сентября 1908 г. П. А. Флоренский был утвержден исполняющим должность доцента МДА по кафедре истории философии (28, с. 234, 235).

Первоначальная тема магистерской диссертации П. А. Флоренского была утверждена 19 декабря 1908 г. Она была сформулирована так: Перевод на русский язык богословско-философских творений неоплатоника Ямвлиха, сопровождаемый вступительной статьей о философии мыслителя, подстрочными примечаниями и рядом экзегетических и историко-философских экскурсов, а также приложением параллельных мест из других мыслителей той же школы (28, с. 320—322).

Однако к началу 1909/10 учебного года выявились трудности в разработке утвержденной темы магистерской диссертации. Проф. А. И. Введенский советовал для защиты на степень магистра богословия переработать кандидатское сочинение «О религиозной Истине». 10 мая 1910 года Совет МДА утвердил прошение П. А. Флоренского о продлении ему срока для получения степени магистра на один год, то есть до 23 сентября 1911 года (29, с. 56—57). Тогда же, вероятно, была изменена и тема магистерской.

5 апреля 1912 г. отец Павел представил в Совет МДА книгу «О духовной Истине» (М., 1912/1913) (8) с просьбой допустить ее к защите на степень магистра богословия. Диссертация была передана для рассмотрения проф. С. С. Глаголеву. В качестве второго рецензента, по его собственной просьбе, был утвержден ректор МДА епископ Феодор (Поздеевский) (30, с. 131, 132). Фактически же Владыка Феодор стал не только рецензентом, но и руководителем работы отца Павла после кончины проф. А. И. Введенского. Руководство Владыки Феодора заключалось не только в научно-богословской проверке сочинения, но и в указании, какие требования учебного характера могут быть предъявлены к сочинению и кем, в умении убедить не выставлять на защиту магистерской диссертации вопросов, не получивших решения в святоотеческом богословии. При этом Владыка Феодор считал своим долгом сохранить свободу творчества отца Павла и не хотел, чтобы он поступал против совести, изменяя в книге то, с чем сам был не согласен. С какой остротой стоял вопрос, показывают редкие письма отца Павла и Владыки Феодора, которые, естественно, лишь дополняли их близкое общение в стенах Академии.

«1913.XI.7 Серг[иев] Пос[ад].

Дорогой Владыко, благословите и дозвоьте написать Вам не как к Ректору Академии и не как к знакомому, но как к своему Епископу, к которому не только имеешь право, но и долг обращаться в серьезных обстоятельствах жизни. Святое и священное слово Епископ в современной жизни почти утерало свой подлинный смысл, и в этом искажении понимания этого слова, вероятно, главная причина церковных неурядиц. Но я постараюсь забыть о современной жизни и иметь пред собою, пред вниманием своим Вас, как Епископа.

Мне отнюдь не хочется обвинять кого бы то ни было, и в душе своей я никого не обвиняю; вот почему заранее беру назад всякое слово, в котором б[ыть] м[ожет], будет случайно какой-нибудь тон недовольства или обвинения.

Внешнее мое письмо — по поводу моей диссертации, но внутреннее — по причинам давно, уже 10 лет, тающимся и гораздо более глубоким, чем настоящий повод. Я хорошо понимаю и чувствую, что своей диссертацией поставил Вас, дорогой Владыко, в положение неловкое, и весьма смущался и смущаюсь этим. Вы не знаете, что же, собственно, надо делать со мною, и это вовсе не по недоброжелательному отношению, а несмотря на прямое желание сделать все наилучшим образом. Но есть силы, с которыми бороться трудно и б[ыть] м[ожет], даже невозможно. Я, по крайней мере, устал за 10 лет и от борьбы отказываюсь.

Дело в том, что Церковь конкретно раскрывается в разных общественных средах. А т[ак] к[ак] каждой среде естественно переоценивать себя, то она склонна и все свои особенности, бытовые и временные, считать за атрибуты Церкви [...]. Но на

этой-то почве и происходит ужасная, непонятная для человека, выросшего в этом быте, тяжесть мелких требований, которые предъявляются якобы от Имени Церкви.

Скажу примерно: в моей диссертации большинство смущается и будет смущаться вовсе не действительным смыслом книги, а

- 1) шрифтом,
- 2) языком,
- 3) терминами философскими.

Между тем, почему я должен печататься именно таким-то шрифтом, говорить таким-то языком, употреблять термины такие-то, а не такие-то. Ни Господь, ни св. каноны церковные не требуют от меня ни шрифта, ни языка, ни терминологии философской. И вот я вижу (не в осуждение кому бы то ни было говорю), что люди, отрицающие не только положения Православия, но и Самого Христа, прямо или косвенно, но соблюдающие при этом известный семинарский этикет, благополучны, а другие, нарушившие этикет или, точнее, живущие по этикету иной среды, хотя и искренно признают церковность, на каком-то подозрении.

Скажу о себе. Я имел возможность быть профессором по любимой мною математике; имел и другую возможность — заниматься богословием за границей (мой отец почти требовал этого и обиделся на меня за Академию). Если я отказался от всего этого и, избрав Академию, потратил на нее 10 лучших лет своей жизни и упорного труда — значит я хотел именно Православия и именно церковности. Я хотел и хочу быть верующим сыном Церкви и, кроме того, всегда, и по характеру, и по убеждению старался искренно почитать всякую законную власть, даже когда она бывала не на высоте положения, подчиняясь ей для Бога. Но если другие не понимают, то Вы-то, Владыко, понимаете разницу между послушанием и подхалимством. Конечно, ради общецерковной жизни иногда нельзя обо всем говорить, но нельзя же бессовестно лгать, потакая произволу отдельных лиц!»

Решающим в том, что из написанного следует подавать в качестве магистерской диссертации, послужило, вероятно, письмо Владыки Феодора от 28 января 1914 года, в котором он предлагал снять главу «София» и внести ряд поправок в главу «Дружба».

«Дорогой о. Павел!

С тяжелым сознанием причиняемого Вам затруднения, но руководствуясь исключительно желанием довести бессоблазненно дело до желательного конца, должен, наконец, сказать Вам, что после многократного и внимательного прочтения нахожу необходимым выпустить из Вашего сочинения всю главу о Софии, тем более, что она вошла в полное издание Вашей книги и Вы еще хотите работать по этому вопросу. Скажу откровенно, что я имею некоторое основание думать, что даже просвещеннейшие иерархи — члены Синода, от которых можно было ожидать беспристрастия и широты воззрений, смотрят на Вашу книгу косо. Нужно быть оч[ень] осторожным. Безусловно, нужно замазать типографской краской слова стр. 350 «имя Христово есть мистическая Церковь!» На той же стр. Имя с большой буквы, а греч. текст [с] малой, лучше поставить с малой. Считаю неудобными места, вернее, выражение: стр. 446 в приложении к Евангелию «безумно-ясно» и стихи: стр. 324, 362*. Могут смущаться наверно и таблицей 518, но и это еще не особенно важно. Вполне понимаю и технические трудности и не знаю, как облегчить; б[ыть] м[ожет], прорыв страницы объяснить как опечатку, тем более что в продажу эта книга в исправленном виде не пойдет, а для нас это не важно. За исключением всего этого я вполне приемлю все, и мне хочется к мартовскому Совету дело окончить. Прошу сказать откровенно, если Вам это затруднительно, то я лучше устранись от рецензирования Вашей книги и передам дело другому, хотя бы Ф. К. Андрееву. С любовью Е. Феодор. 28.1.1914».

Отец Павел сначала принял все замечания Владыки Феодора, а затем сдал даже больше: из первоначально готовившейся к защите магистерской диссертации книги 1912—1913 гг. были исключены главы «София», «Дружба», «Ревность» (письмо «Геенна» не предполагалось для магистерской работы с самого начала). Таким образом, возникла четвертая редакция книги «Столп и утверждение Истины», которая состояла из следующих частей: I. К читателю; II. Глава первая: сомнение; III. Глава вторая: Тринитизм; IV. Глава третья: свет истины; V. Глава четвертая: Утешитель. VI. Глава пятая: противоречие. VII. Глава шестая: грех. VIII. Глава седьмая: тварь. Примечания и заметки³.

* Но это еще терпимо. *Прим. епископа Феодора.*

Об идейном взаимоотношении магистерской диссертации священника Павла Флоренского и его книги «Столп и утверждение Истины» мы имеем также чрезвычайно интересное самосвидетельство — в письме отца Павла редактору «Богословской энциклопедии» Н. Н. Глубоковскому 20 октября 1917 г.: «О диссертации своей «О духовной Истине» я хотел бы сказать лишь то, что ни в ней, ни где бы то ни было я, в угоду кому бы то ни было, не писал ни одной запятой. Но кое-чем существенно входящим в ткань книги моей пришлось поступиться, не потому, чтобы я боялся Св. Синода, а потому, что я не был в нравственном праве требовать Синодальной санкции тем строкам своей книги, которые [ка]зались моему рецензенту недостойными таковой, и это пишу по чистой совести: я не позволю стеснять своей совести и своей мысли никому, но потому не хочу насилловать чужой совести и чужого разума, хотя бы они и казались мне карикатурными. Итак, что же опущено в «О Духовной Истине» сравнительно со «Столпом и утверждением Истины»? Во-первых, лирические места. В моем понимании эти места были не украшением, не виньетками в книге, а методологическими прологами соответствующих глав. Удачны ли эти места, судить не мне. Но хотел я именно таких вступлений, подготовляющих читателя к пониманию догматических и философских построений. Далее опущен ряд глав-писем, представляющих собою философски-богословский телос книги. И это сделано не без боли. Что же касается до примечаний, то их сокращение обусловлено исключительно экономическими соображениями — ради дешевизны вторичного набора, и следовательно эти сокращения, может быть, и ущербны для материальной полноты книги, с стороны идейной не представляют важности и должны рассматриваться как *abscissae*.

Итак, если Вам угодно сделать мне честь изложением моих методов и воззрений, то желательно, чтобы таковое было на основании «Столпа», а не «О духовной Истине». Но, к сожалению, у меня нет ни одного экземпляра «Столпа», и служить Вам таковым я не могу, а достанете ли Вы где его — не знаю» (38).

28 марта 1914 г. на Совете МДА были заслушаны отзывы епископа Феодора (см. ниже) и проф. С. С. Глаголева о сочинении священника Павла Флоренского, представленном на соискание степени магистра богословия, и назначены официальные оппоненты.

Защита магистерской диссертации священника Павла Флоренского на собрании Совета МДА состоялась 19 мая 1914 г. «Присутствовали: под председательством Ректора Академии Феодора, епископа Волоколамского, — инспектор Академии архимандрит Иларий, сверхштатный заслуженный ординарный профессор М. Д. Муретов, ординарный профессор С. С. Глаголев; экстраординарные профессора — И. В. Попов, С. И. Смирнов, священник Е. А. Воронцов, Д. И. Введенский, Н. Л. Туницкий, А. П. Орлов, священник Д. В. Рождественский, священник В. Н. Страхов и священник И. В. Гумилевский. Отсутствовали: и. д. ординарного, заслуженный профессор А. П. Шостын; ординарные профессора — А. П. Алмазов, С. И. Соболевский, А. А. Спасский, М. М. Тареев и М. М. Богословский; экстраординарный профессор П. П. Соколов [...]».

Официальными оппонентами были: ординарный профессор по кафедре основного богословия С. С. Глаголев и и. д. доцента Академии по кафедре систематической философии и логики Ф. К. Андреев. По окончании коллоквиума Преосвященный ректор Академии, собрав голоса, объявил, что Совет единогласно признал защиту удовлетворительною, а магистранта — достойным утверждения в степени магистра богословия и должности доцента Академии» (31, с. 152—154).

Магистерский диспут священника Павла Флоренского вызвал громадный интерес среди церковных кругов и общественности. Сообщение о диспуте было помещено даже в разделе «Провинциальная жизнь» газеты «Московские ведомости».

«Сергиев Посад. Магистерский диспут в имп. Московской Духовной Академии».

Книга о. П. Флоренского под заглавием «Столп и утверждение Истины» давно уже обратила на себя внимание читающего общества. По поводу нее много писали, говорили, спорили. И все это неоспоримо свидетельствует о том, что книга затронула какую-то чуткую, болезненную струну общественного организма, «задела его за живое место».

19 мая эта книга предстала на ученый суд в Московской Духовной Академии. Давно уже Академия не видала такого диспута, давно уже исторические стены актового зала ее не были свидетелями столь многолюдного собрания. Несмотря на то, что о дне коллоквиума нигде не было объявлено, в Академию прибыли лица даже из глухих уголков провинции, чтобы здесь услышать и лично увидеть о. Павла Флоренского [...]. Первым оппонентом выступил профессор С. С. Глаголев. С похвалой ото-

зававшись о книге о. Павла, признав себя его учеником, а не учителем, он больше остановился на вопросе об антиномиях. Антиномия, по нему, объясняется исключительно недостаточным знанием предмета, поверхностным анализом его. О. Павел с ним не согласился.

Вторым оппонентом выступил и. д. доцента по кафедре систематической философии Ф. Андреев. Как-то странно было видеть этого сравнительно еще молодого человека, только что окончившего в прошлом году Академию, дискутирующим с тем, кого он слушал со студенческой скамьи лишь несколько месяцев тому назад. Задался он своею целью сделать несколько возражений по поводу логической структуры книги. И нужно отдать ему честь, что некоторые его положения носили на себе печать глубокой мысли.

Третьим и последним оппонентом выступил Преосвященный Ректор Академии епископ Феодор. Глубокий аскет, человек со светлой мыслью, он ясно, в немногих словах выразил существо книги о. Павла, указал на то, что своею книгою, проповедающею о «живом религиозном опыте как единственно законном способе познания догматов», он подрывает корни современной рационализирующей богословской науки.

По окончании диспута о. Флоренскому была устроена студентами и публикой шумная овация. И.» (59).

На диспут приехали из Москвы многие друзья отца Павла и его духовник старец епископ Антоний (Флоренсов). Посвящение священником Павлом Флоренским «Вступительного слова пред защитой...» «епископу Антонию Флоренсову — с сыновнею почтительностью» (13, с. 3) было глубоко знаменательно. Этим он общественно свидетельствовал о том огромном влиянии, которое оказал на его жизнь и труды Владыка Антоний. Сам отец Павел был убежден, что он написал этот труд лишь благодаря руководству своего духовного отца. На дарственном экземпляре «Вступительного слова пред защитой...», поднесенном епископу Антонию, было написано: «Глубокоуважаемый Владыка! Ваше слово направило меня в Академию, Ваше слово меня там удерживало и Ваше же слово заставило меня остаться там. Теперь я могу сказать откровенно, что мое отношение к Академии было послушанием. Вот почему этот, хотя и ничтожный, но в жизни моей очень решительный труд я решил посвятить Вам, после того, как другой жизненный шаг свой, а именно пробную лекцию свою, я посвятил своим родителям по плоти. Прошу принять это посвящение как знак всегдашней моей преданности Вам и сыновней любви. Благословите и простите, что мой дар Вам так беден и ничтожен. Священник Павел Флоренский. 1914. XI.14. Москва» (42, № 10, с. 70).

22 мая 1914 г. было принято предложение ректора МДА епископа Феодора об избрании священника Павла Флоренского экстраординарным профессором со дня утверждения его Святейшим Синодом в ученой степени магистра богословия (31, с. 191—192). 6 июля того же года митрополит Московский Макарий направил в Святейший Синод «Представление» с ходатайством об утверждении «священника Павла Флоренского в степени магистра богословия и должности доцента МДА по занимаемой им кафедре истории философии» (35).

9 августа 1914 г. архиепископ Харьковский Антоний⁴, которому было поручено сделать отзыв о магистерской работе отца Павла для Святейшего Синода, направил из Петербурга телеграмму епископу Феодору: «Прочитал 136 страниц книги Флоренского. Можно дать одобрителный отзыв». Владыка Феодор тотчас же сообщил об этом отцу Павлу: «Дорогой о. Павел! Оч[ень] рад сообщить, что дело о Вашей магистерской принято благополучный оборот. Е[пископ] Ф[еодор] 10.VIII». 27 августа 1914 года Святейший Синод принял указ (№ 14292) об утверждении священника Павла Флоренского в степени магистра богословия и в звании экстраординарного профессора (оглашен на Совете МДА 29 сентября 1914 года — 31, с. 579—580). 16 декабря 1914 года Совет МДА наградил священника Павла Флоренского премией митрополита Московского Филарета (31, с. 731—732), а 10 марта 1915 года — премией митрополита Московского Макария (32, с. 81) за магистерскую диссертацию «О духовной Истине».

Не выдвигая в данной работе задачи дать научно-богословскую оценку магистерской диссертации священника Павла Флоренского и его книги «Столы и утверждение Истины» (М., 1914), необходимо все же коснуться отзыва епископа Феодора, который сыграл решающую роль во всей защите. Суть его оценки сводилась к следующим положениям: «Как огласительное слово для стоящих «во дворе церковном» [...] книга выполнена прекрасно [...]. Как Теодицея, книга о. Павла может удовлетворить самый требовательный вкус, изощренный в философии и богословии [...]».

Как труд богословско-философский, книга автора от начала до конца православна [...]. Книга о. Павла высоко научна; трудно сказать, в какой области научного знания автор не проявил себя специалистом в этой книге [...]. Читая книгу автора, чувствуешь, что вместе с ней растешь духовно, а не только приобретаешь знание в какой-нибудь области; да до нее и нужно дорасти, чтобы понять ее» (98, с. 42—44).

Хотя формально отзыв был сделан о магистерской диссертации, совершенно очевидно, что епископ Феодор не мог не учитывать в своем мнении полного варианта «Столпа». Если бы он принципиально не принял «Столп», он, конечно, не дал бы и положительного отзыва на магистерскую работу отца Павла. Действительно, в самом начале отзыва Владыка Феодор обратил внимание на то, что он рецензирует усеченный вариант книги, то есть магистерскую диссертацию. Но он тут же отметил, что хотя недостающие главы наиболее интересны в богословском отношении, они не вносят чего-либо принципиально нового, так как все главное уже сказано. Это свидетельствует о том, что Владыке Феодору очевидно было внутреннее единство всей книги, ее единый дух и стиль. Предложенные же им сокращения и поправки были вызваны тактическими соображениями. Это, конечно, не означает, что Владыка Феодор был во всем согласен с отцом Павлом: и в изданном отзыве содержится много ценных критических замечаний, еще больше их было, вероятно, высказано устно. Но епископ Феодор увидел в книге главное, то, что вот уже семьдесят лет неизменно влечет к ней читателя и сделало книгу не устаревающей. Он, пожалуй, единственный, кто рассматривал «Столп» не как попытку создать еще одну религиозно-философскую систему, а именно как теодицею, то есть апологию христианской веры, единственной и конечной истины, выполненную «тем путем и в той сфере мысли, в какой полагают последний резон всякой истины поклонники человеческого рассудка» (98, с. 42). Именно в этом смысле, несмотря на множество спорных и нерешенных вопросов, несмотря на частные мнения отца Павла, которые вступают в противоречие с такими же частными мнениями других мыслителей, «как труд богословско-философский книга от начала до конца православна». Важно понять, что православность «Столпа», свидетельствованная высоким авторитетом епископа Феодора, относится не к догматической точности каждого положения, а к духу книги, к тому, к чему призывает книга. Такая православность дается не изложением общеизвестных положений в определенной системе, а жизнью в Церкви, личным духовным опытом. Непреходящее значение теодицеи отца Павла сводится, на наш взгляд, к двум основным положениям: 1) Путь теодицеи, предложенный отцом Павлом, — «живой религиозный опыт как единственный законный способ познания догматов» (14, с. 3) — стал после выхода «Столпа» водоразделом, расчленившим религиозно-философские искания на два потока: к Церкви и от нее. 2) Отец Павел указал на принципиальную методологию теодицеи: путь теодицеи, оправдания Бога, «возможен не иначе, как благодатною силою Божиею» (13, с. 5). В живом религиозном опыте «мы разумом своим испытываем Бога и находим, что воистину Он — Бог, Сушая Правда, Спаситель» (13, с. 5).

Редактор «Богословского вестника» (1912—1917)

В юности П. А. Флоренский хотел создать журнал, посвященный вопросам религии, в редакционно-авторский состав которого должны были войти друзья. 21 мая 1904 года П. А. Флоренский писал А. Белому: «Помнится, я говорил Вам уже, что мы, наш кружок, собираемся впоследствии издавать журнал — нечто вроде органа «ордена». Журнал должен быть посвящен вопросам религии, причем можно подступать со всех сторон к ним: от философских и мистических произведений до научных и исторических, включая чисто поэтические (напр., как Ваши стихи) — вот диапазон. «Нов[ый]» путь во многом не удовлетворяет; редакция боится серьезности, не достаточно обдумала, что она собственно хочет говорить, и т. д. Наша задача — дать заранее обдуманный и единый по настроению периодический орган, который имел бы ценность как книга» (37). Хотя план этот не осуществился, П. А. Флоренский продолжал думать о создании своего журнала. Одной из причин к этому было и то, что он испытывал большие затруднения в печатании своих трудов. «Что касается до моих «письменных работ», — писал П. А. Флоренский А. Белому 31 января 1906 года, — то тут я столько раз наталкивался на затруднения, что начинаю видеть в этом знамение, признаться сказать, совпадающее с моими тайными желаниями. Печататься решительно не у кого: для одного журнала — слишком учено, для другого — слишком «в новом стиле»; для одного — слишком математично и т. п., другому противны элементы мистические и богословские. Одним словом, угодить ни на кого не могу, а изменить тот метод, который мне кажется настоящим моим путем (исследование понятий и синтез разнородных материалов), не могу по совести. В результате, предпочитаешь больше

думать, нежели писать. Все встает вопрос: «Для чего? Все равно останется в портфеле».

Да, по правде сказать, я вполне сочувствую редакциям, которые бы стали мне отказывать: что же печатать то, чего читать не станут? Впрочем, я лично рад данному обстоятельству; с более спокойной совестью могу менее отвлекаться от своей жизни и своей работы» (37).

Таким образом, создание своего журнала связывалось для П. А. Флоренского с решением двух вопросов: во-первых, выработка идейного направления, во-вторых, публикация своих работ⁵.

Но когда в конце 1911/12 учебного года ректор МДА епископ Феодор предложил священнику Павлу Флоренскому возглавить академический журнал «Богословский вестник», он долго колебался. «Если бы я взялся за это дело, — писал отец Павел В. Ф. Эрну 26 июня 1912 года, — то мне надо бы поставить журнал *живо*. А я не знаю, найдутся ли для этого силы. Разумеется, если я соглашусь, то, заручившись твердым обещанием помощи со стороны «своих», то есть Вас, С. Н-ча [Булгакова], Волжского, М. В. Новоселова, Саша [Ельчанинова] и т. д. и помощи, главным образом, по отделу *литерат. критики и библиографии* (литер. обзоры и т. п.)».

В начале осени 1912 года отец Павел дал свое согласие и 21 сентября писал В. Ф. Эрну: «Мы строим широкие планы. Я надеюсь, что деятельное участие примут московские славянофилы и *ои леги тоутов*. Имею в виду еще несколько лиц, мне дорогих как личности и как работники. Мне хочется ввести постоянные отделы: 1) критики (статьи о книгах; критические *revues*, по вопросам и т. д.), 2) библиографии, 3) религиозно-церковно-общ. жизни, 4) мелочей, где помещались бы мелкие открытия, соображения и т. п., не могущие составить статьи. Хотелось бы внести рисунки, снимки, схемы и т. д. Все это очень оживляет. [...]

1912.IX.24—25. Ночь. День Преп. Сергия.

Приехав из М[осквы], получил Ваше письмо. Тороплюсь ответить. Вот приблизительный список лиц, кот[орых] я имею в виду или *желаю* иметь в журнале, хотя не все они равно-желательны и равно «достоверны». Кожевников (масса материала истор.-филос.-рел. характера), Новоселов, Булгаков, Волжский, Вы, Ельчанинов, А. Белый? Бердяев? Клиггер (католик из Киева, профессор по фольклору и религии...), Розанов, Щербов, епископ[?] Антоний (!) (совершенно не знаю, как он относится к сему), Ф. Д. Самарин (?), Д. А. Хомяков (?), Мансуров, *père et fils*, Евг. Трубецкой (?!), П. Н. (fils) Каптерев, Н. Лузин, Ф. Андреев, А. В. Ветухов, С. А. Цветков, Г. Флоровский, Шум (готово сочинение) «Генезис идеи Бога у Толстого», весьма недурно, хотя и зеленовато, Голованенко, Вяч. Иванов, С. С. Глаголев, Б. П. Добровольцев, Вл. Карпов (проф. по естествознанию), Страхов (механик из Москвы, проф.), Аскольдов (?), Г. А. Рачинский, В. М. Васнецов (?), Тернавцев. По реком[ендации] С. Н. Булгакова: Н. Андреев, С. Н. Дурылин, Жуковский, Давидайтис, кн. [...?] (*un juif errant en christianisme*), Макшеева, кн. Ухтомский, богослов и минералог, проф.

Не знаю, как наладится дело потом, но сперва во всяком случае пойдет поток, ибо не сегодня-завтра мне надо вступить в должность (если теперь Синод утвердит), а наши друзья вне черты своей оседлости. Присылайте что есть. Для начала необходимо печатать (особенно лиц подозрительных) нетяжеловесное и вполне переносимое, с точки зрения цензуры, — нравов, языка, яркости и т. п., одним словом такое, чтобы оно не возбуждало лишнего внимания к себе. Надо нам к себе приучить читателей, верхних и нижних, чтобы они были уверены, что мы ничего собственно не намерены выкидывать. Господь да благословит Вас и Ваших. Обнимаю Вас дружески. Недостойный священник Павел Флоренский».

28 сентября 1912 года Святейший Синод утвердил священника Павла Флоренского в должности редактора издававшегося при МДА журнала «Богословский вестник» (указ № 14663 — 30, с. 554; 36).

До него «Богословский вестник» руководили: П. И. Горский-Платонов (1892—1893), В. А. Соколов (1893—1898), А. А. Спасский (1898—1903), П. В. Попов (1903—1906), И. Д. Андреев (1906—1907), А. И. Покровский (1907—1909), А. П. Орлов (1909). Н. А. Заозерский (1909—1912) (66, с. 621). Священник Павел Флоренский стал первым редактором журнала, который, на основании нового академического устава, был назначен на эту должность ректором Академии, а не избран ее корпорацией. Впервые также за 20 лет существования журнала во главе его стал редактор в священном сане. Это должно было способствовать более четкому определению направления «Богословского вестника» как печатного органа Московской Духовной Академии. При

частой смене редакторов и их независимости от ректора МДА ранее такую задачу было, конечно, осуществить затруднительно.

Священник Павел Флоренский поставил перед собой как редактором «Богословского вестника» две задачи: 1) сделать так, чтобы разнообразный материал сводился к основным идеям православного богословия, отвечающим на проблемы современной жизни; 2) сделать «Богословский вестник» легкочитаемым, интересным журналом. «Имейте в виду, — писал отец Павел В. Ф. Эрну 6 октября 1912 года, — что направление журнала в значительной мере зависит будет от количества материала добротного, кот[орый] будет иметь в виду редакция. В случае же недостатка материала, волей-неволей придется печатать не только материал мало-интересный, но и прямо недоброкачественного направления».

К первым номерам «Богословского вестника» под редакторством священника Павла Флоренского В. Ф. Эрн подготовил работу «Природа мысли» (105). Немного позднее он начал присылать из Италии, где в то время находился, «Письма о христианском Риме» (104). Эти две работы были написаны в совершенно разном стиле. Переписка, начавшаяся между отцом Павлом и В. Ф. Эрном по поводу публикации этих работ, хорошо показывает, как вырабатывалось новое направление «Богословского вестника».

«Дорогой Володя! Сегодня получил «Письмо первое», о Риме, и, только что прочитав его, не могу удержаться, чтобы не написать Вам несколько слов, хотя и весьма обременен работою. И по манере, и по тону оно мне весьма понравилось, — настолько, что я тут же решил задержать печатание «Природы мысли», сданной в типографию, и печатать в ноябре это письмо. Мне важно создать известную уютную атмосферу в ноябре и декабре, чтобы показать новый характер редакции. Вам vyšло его, как только выйдет. Вы пишете, что хорошо бы подписывать иной фамилией — псевдонимно. Уж не знаю, как именно. Но нужно ли это? Давайте сделаем так. Пришлите мне к декабрю еще письмо. Двумя такими письмами Вы настолько зарекомендуете себя публике, что можно даже печатать и более трудное при Вашей подписи. А там будем чередовать «Прир[оду] мысли» и письма. Но мне весьма хотелось бы, чтобы Вы прислали 2-е письмо поскорее.

Наше общее положение будет зависеть всецело от того, сумеем ли мы поднять подписку. Если сумеем — мы будем хозяева положения, если нет — придется подчиняться всем и каждому. А для поднятия подписки необходимо сделать легко читаемыми ноябрь и декабрь. Волей-неволей я пока еще не смею развлекаться с тяжелым балластом в виде скучнейших статей иных профф.⁶ Но потом, если увеличится подписка, я стану смелее. Итак, рассчитывая на Ваше согласие, я отложу «Природу мысли» к январю и там буду печатать большими порциями. Мне нравится, что Вы в «Письме» 1-м проводите как бы незначай многое из того, что надо будет твердить и основополагается в других статьях. Необходимо именно делать так, чтобы весьма разнообразный по тону, по манере и по содержанию материал сводился по основным руководящим идеям, а именно:

1) аскетизм против эвдемонизма; 2) эллинизм против «романизма»; 3) созерцание против рационализма; 4) свет эллинизма и Православие; 5) «славянофильство» (как символ); 6) мистическая трезвость против истерическ[ого] энтузиазма и прелесть; 7) таинство; 8) имена; 9) вкус к конкретности и древней — в особенности; 10) личность против вещиности и т. д. и т. д.; 11) антихристианская мистика; 12) масонство и т. п.; мирность против треска. И необходимо, чтобы статьи перекликались между собою. У нас будут *внутренние* враги. Надо их обезвредить в одних случаях или представить в таких комбинациях, чтобы, как Валаамова ослица, изрекали истину» (из письма от 28 октября 1912 года).

«Дорогой Володя! Простите великодушно, что до сих пор не ответил Вам на Ваши письма, тем более что должен бы поблагодарить Вас за Ваши прекрасн[ые] «Письма о Риме». 1-ое уже вышло в свет (разве не получили?), и всем нравится, в част[ности] получило одобрения и похвалы Преосв[ященного] Феодора, рект[ора] Ак[адемии]. 2-е выйдет на днях, и, думаю, одним должно понравиться еще более, а других обозлит — и поделом — пусть злятся. Написано оно лучше 1-го! Вы и думать не можете не писать более, — и меня подведете, [и] лишите всех нас прекрасной книжки, кот[орую] потом надо издать поизящнее, в мал[ом] формате, в 8°. Мне очень хотелось бы скорее напечатать еще Ваше что-ниб[удь], но Вы не шлите. Если ничего не пришлете, то в январе-феврале напечатаю «Прир[оду] мысли»; хотя и это весьма хорошая работа, но для публики она будет трудна и мало понятна, а янв[арь] и февр[аль] надо бы сделать полегче. Рецензий шлите, какие хотите и о чем хотите — что Вы спрашиваете? Шлите скорее что-ниб[удь] рецензионное, — м. б. успеется и

январю. Выслать ли Вам деньги, или хранить до приезда? Вам за два №№ следует получить с редакции.

Вообще слишком много не спрашивайте меня о том, что делать для «Б. В.». Мои мысли Вы знаете. Знаете потребности общества. Знаете и то, что слишком серьезной пищи оно не выносит. Знаете и то, что журнальная *техника* требует статей в 2, 3, 4 листа, а более уже — «от лукавого». Вот и все. Чем непосредственнее, живее и проще по внешн[ему] изложен[ию] — тем лучше. Ругайте незвитов сколько угодно — это полезно. Под видом католицизма ругайте наше клерикальствующее течение — это необходимо. Под видом протестантов разделяйтесь с Тареевым и проч[ими] — сему рукоплещу. Хвалите Восток, Макс[има] Исп[оведника], Дион[исия] Ареоп[агита], Григория Паламу, Николая Кавасилу и т. д. и т. д. — Сие лобзаю. «Логос» порицайте сколько влезет — если выйдет шум, тем лучше: реклама «Б. В.» и слава «Логосу». Что же касается до содержательности работы, строя, то разве тут можно выражать хотя бы пожелания, но вот ругать немцев, целя в наших немцев, академических, это действительно полезно. Не по поводу «Б. В.», — это было бы слишком громко, — но скажу: нам надо создавать православную науку, ее почти нет, если не считать *утраченных* нитей отеческой мысли и лишь еле-еле нащупываемых в монастырях да отд[ельными] лицами. История, археология, филос[офия] во всех ее разветвлениях, даже богословские науки — все это требует творческого слова. Будем же хоть почву расчищать для этой работы» (из письма от 20 декабря 1912 года).

Как видно из писем отца Павла, насущной задачей современной богословской науки он считал проблематику антроподицеи, что совпадало в то время и с его творческими планами. В речи пред защитой магистерской диссертации 19 мая 1914 года он говорил: «Путь горé — это по преимуществу путь вступающего на духовный подвиг, а путь до́лу — путь продвинувшегося по нему. Вот почему я счел целесообразным в настоящем сочинении [имеется в виду — «Столл...»] выделить именно теодицею, оставляя более трудную антроподицею до лет более зрелых и опытности более испытанной. Но, на возможный вопрос о содержании антроподицеи, может быть, следует ответить: «Разные виды и степени Бого-нисхождения должны составить основную тему ее». Другими словами, речь должна идти там о категориях духовного сознания и об откровении Божиим в Священном Писании; о священных обрядах и святах Таинствах; о Церкви и ее природе; о церковном искусстве и церковной науке, и т. д. и т. д. А это все должно быть обрамлением центрального вопроса антроподицеи — христологического» (13, с. 89—90).

Программное направление «Богословского вестника» — воцерковить науку — было официально изложено в «Объявлении о подписке...» в первом же номере под редакторством священника Павла Флоренского: «Орган высшей Церковной школы, «Богословский вестник», самым положением своим призывается к неуклонному служению, *методами и орудиями науки*, интересам Святой Церкви. Раскрывать нетленные сокровища Сокровищницы Истины и углублять понимание их в современном сознании, уяснять вечное и непреходящее значение *церковности*, показывать, что она есть не только момент и факт истории, но и непреложное условие вечной жизни — такова прямая, положительная задача этого служения Церкви. Но положительная задача неизбежно связывается с задачей отрицательною, — с борьбою против расхищения духовного достояния Церкви, с расчисткою церковных владений от всех чуждых природе ее сил, покушающихся на ее собственность и на самое ее существование» (5, с. 1—2; подч. — И. А.).

Выполняя поставленные им перед «Богословским вестником» задачи, отец Павел стремился также к тому, чтобы преподавание в МДА отвечало на вопросы, волновавшие церковную общественность. Как духовное учебное заведение Академия во многом не удовлетворяла отца Павла и преподавание в ней он начал по настоянию духовника — епископа Антония. В Академии, которая собрала в те годы один из лучших составов профессоров за все время своего существования, не было единства и она представляла собой не союзнницу в борьбе, а среду, где приходилось бороться и искать союзников. Это была борьба за онтологизм против позитивизма и психологизма, за реализм против номинализма, за церковность и культ против обмирщения культуры. В Академии отец Павел пользовался поддержкой и любовью ректора епископа Феодора (Поздеевского) и своих учеников (Ф. К. Андреев, С. А. Голованенко, иеромонах Павел Волков). Но за годы возглавления «Богословского вестника» у него сложился и второй круг друзей-единомышленников, из деятелей, близких к Московскому религиозно-философскому обществу (кружок ищущих христианского просвещения — М. А. Новоселов, Ф. Д. Самарин, Е. Н. Трубецкой, П. Б. Мансуров, В. А. Кожевников, протонерей Иосиф Фудель, С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн и другие). Московское «ново-

селовское» общество по цели, характеру деятельности и даже по личным взаимоотношениям его участников стояло на позициях противоположных петербургским религиозно-философским собраниям. Если петербургские собрания можно охарактеризовать как религиозные искания «около церковных стен» или даже в стороне от них, то московское общество принципиально ставило себя внутри церковной ограды и было таковым. Новоселовское общество духовно окормлялось старцами Зосимовой пустыни во главе со схигуменом Германом⁷, его деятельности сочувствовал и епископ Феодор, ректор МДА (84)⁸.

«В 1912 году М. А. Новоселов Советом Московской Духовной Академии избран и Святейшим Синодом утвержден в звании почетного члена названной Академии «во внимание к его десятилетней полезной для Церкви и духовного просвещения деятельности путем многочисленных изданий своей Библиотеки» (85).

Отец Павел явился связующим звеном между московским религиозно-философским обществом и Московской Духовной Академией. В. В. Розанов, который был в гуще и петербургских, и московских кругов, лиц и связей, так писал тогда об отце Павле: «Это — Паскаль нашего времени. Паскаль нашей России, который есть, в сущности, вождь всего московского молодого славянофильства и под воздействием которого находится множество умов и сердец в Москве и в Посаде, да и в Петербурге. Кроме колоссального образования и начитанности, горит самым энтузиазмом к истине. Знаете, мне порою кажется, что он — святой: до того необыкновенен его дух, до того исключителен... Я думаю и уверен в тайне души, — он неизмеримо еще выше Паскаля, в сущности — в уровень греческого Платона, с совершенными необыкновенностями в умственных открытиях, в умственных комбинациях или вернее в прозрениях...» (из письма В. В. Розанова М. Спассовскому).

Сам отец Павел главный смысл московского движения видел в духовном и дружеском общении, которое считал одним из условий познания истины. Он писал В. В. Розанову:

«1913. VI 7 Серг[иев] Пос[ад]

Все, что пишете Вы, дорогой Василий Васильевич, отлично, но я не понимаю, что послужило поводом к тому. Или я что-нибудь не так написал о «зависти». Или Вы недоразобрали, но я решительно не могу припомнить, в чем дело. Но это и не важно. Конечно, московская «церковная дружба» есть лучшее, что есть у нас, и в дружбе это полная *coincidentia oppositorum*. Все свободны, и все связаны; все посвоему, и все — «как другие». Вы пишете о «новом» в богословии, что внесено нами, но к перечисленным Вами лицам не забудьте добавить Новоселова и Булгакова, Самарина и др., не выступающих в литературе, но мыслящих оригинально и соучаствующих в общей работе разговорами, советами, дружбой, книгами и т. д. Весь смысл московского движения в том, что для нас смысл жизни вовсе не в литературном запечатлении своих воззрений, а в непосредственности *личных* связей. Мы не пишем, а говорим, и даже не говорим, а скорее общаемся. Мы переписываем, беседуем, пьем чай; Новоселов ради *одной запятой* в корректуре приезжает посоветоваться в Посад или вызывает к себе в Москву. Но это не Флоберовские запятые, да удивляется им потомство, а искание поводов к общению. Вас удивляет отсутствие зависти. Но ведь у нас друг к другу не может быть зависти, ибо почти все работает сообща и лишь наибольшая часть работ в том или другом случае падает на того или другого. Дело другого, скажем Новоселова, Булгакова, Андреева, Цветкова и т. д. и т. д., для меня и для каждого из нас — не *чужое*, дело, не дело соперника, которое «чем хуже — тем лучше», а *мое* дело, отчасти и мое. В совершенстве его заинтересованы все, как и успех относят часто и к себе. Поэтому естественно, что каждому хочется влезть в это гнездо хоть одну и свою соломинку, исправить хоть одну ошибку в корректуре или чем-нибудь помочь. В сущности фамилии «Новоселов», «Флоренский», «Булгаков» и т. д., на этих трудах надписываемые, означают не *собственников*, а скорее стиль, сорт, вкус работы. «Новоселов» — это значит работа исполняется в *стиле* Новоселова, т. е. в стиле «строгого Православия», немного монастырского уклада; «Булгаков» — значит в профессорском стиле, более для внешних, апологетического значения и т. д. Вы нередко удивлялись, как я мало работаю, т. е. выпускаю в свет. А между тем я ведь сижу целый день. Но время уходит на корректуру одному, исправление перевода другому, подыскание справок третьему, обширное письмо четвертому, разговор — с пятым, выслушивание какой-нибудь статьи или плана работы шестому и т. д. Самые лекции, которые читаю я, семестровые и кандидатские сочинения, которые даю писать студентам, практические занятия и домашние разговоры со студентами, междудекационные беседы — все это *очень* утомляет, ибо это не просто учительство, а непрерывная *борьба*; мне ведь приходится не просто сози-

дать, а все время разрушать позитивистические настроения. То же — у Булгакова, у Новоселова, у всех нас. И вот, хотя и редко-редко (по неск[олько] человек на курс) одерживаешь настоящую победу, однако, чувствуешь, что всех *ранил* и что впредь им придется все же задуматься, а при случае, когда Бог посетит несчастьем,— и принять кое-что в сердце. Но, Вы понимаете, это вечное военное положение требует много сил. Отдыхаешь лишь в церкви да за древностию — рисунками, монетами и т. д.»

Направление «Богословского вестника» за 1912—1917 годы следует характеризовать как сеяние семян православной науки. Вот почему, сохраняя церковность и традиционную академичность, журнал публиковал много материалов по общекультурным вопросам: в нем органично находили свое место статьи богословского, философского, церковно-исторического, историко-религиозного, общественного и даже математического характера. Это, несомненно, было возможно лишь при уникальной энциклопедичности, широте взглядов и глубококом знании предметов самого редактора — священника Павла Флоренского.

В области экзегетики была осуществлена обширная публикация «Из лекций по Священному Писанию Ветхого Завета» А. А. Жданова. По исключительно высокому научно-богословскому уровню выделяются работы М. Д. Муретова «Раб Божий (Ис. 52, 13—53)» (БВ, 1917, № 2/3) и священника Павла Флоренского «Не восхитение непшева (Флп. 2, 6—8)» (16).

В качестве приложения к «Богословскому вестнику» были напечатаны в 1913—1915 годах «Житие преподобного Максима Исповедника и служба ему» (перевод М. Д. Муретова) (79), а в 1916—1918 годах — «Вопросоответы преподобного Максима Исповедника к Фалассию» (перевод С. Л. Епифановича) (80). Публикация не переведенных ранее творений преподобного Максима Исповедника должна быть признана одной из важнейших заслуг священника Павла Флоренского как редактора «Богословского вестника». В архиве «Богословского вестника» осталось также неизданное толкование преподобного Максима Исповедника на молитву «Отче наш» (перевод на русский язык архимандрита Кирилла)*. По воспоминаниям А. Ф. Лосева, с участием отца Павла был подготовлен перевод творения святого Дионисия Ареопагита «О Божественных именах». Кроме того в 1915 году были изданы святого Кирилла Александрийского «Слово против тех, которые не хотят исповедовать Святую Деву Богородицею», «Разговор с Несторием о том, что Святая Дева — Богородица, а не Христородица» (перевод священника Василия Дмитриева) (69) и преподобного Анастасия Синаита «Из слова об образе Божием» (перевод В. Металлова) (41). Тематика святоотеческих публикаций явно тяготела к антропологии византийских отцов эпохи синтеза. Ряд статей также освещал антропологические взгляды преподобного Иоанна Дамаскина (иеромонах Пантелеимон), епископа Немезия (Владимирский Ф. С.), Петра Абеляра (Орлов А. П.). Было помещено несколько статей И. В. Попова о блаженном Августине и иеромонаха Пантелеимона о преподобном Симеоне Новом Богослове, а в 1917 году, вероятно на издательской базе «Богословского вестника», выпущена книга «Божественные гимны преподобного Симеона Нового Богослова», перевод иеромонаха Пантелеимона (88)⁹.

В «Богословском вестнике» на протяжении ряда лет печатались специальные статьи, посвященные задачам русской богословской науки (епископ Феодор, архимандрит Иларион, Андреев Ф., Гиляров-Платонов П., Глаголев С., Леонтьев К., Нечаев П., Туберовский А.). Помещались статьи, посвященные учению о Церкви (архимандрит Иларион), аскетизму (епископ Феодор, Минин Н.), воскресению (Страхов В., Туберовский А.). Публиковались статьи по церковной археологии (Голубцов А., Протасов Н.) и агиографии (Смирнов С., Туницкий Н.). Были опубликованы статьи, посвященные эллинизму (Соловьев С., Спасский А.), египтологии (Кагаров Е.), буддизму (Кожевников В.), спиритизму, масонству (Киреев-Ртищев А. — 68; и рецензии), а также о самоубийстве (Тареев М., Туберовский А.).

Печатались материалы, статьи и рецензии по вопросам истории Духовных школ, педагогики, просвещения (ртищевская школа) и общественных движений (славянофилы). Много материалов было посвящено истории русской философии (тематика: Аксаков К., Бердяев Н., Богданов П., Булгаков С., Ветухов А., Лодыженский М., Лосский Н., Одоевский В., Розанов В., Самарин Ю., Соловьев Вл., Соловьев Н., Толстой Л., Трубецкой Е., Федоров Н., Франк С., Хомяков А., Эри В.). По истории

* Перевод архимандрита Кирилла был использован при публикации современного перевода толкования преподобного Максима (см.: ЖМП, 1986, № 6, 7, 8).

зарубежной мысли большинство статей касалось развития немецкой и итальянской философии (Эрн В.).

«Богословский вестник» следил за текущими событиями. Особое значение имеют статьи, касающиеся первой мировой войны и восстановления Патриаршества (архимандрит Иларион).

В годы редакторства священника Павла Флоренского в «Богословском вестнике» систематически публиковались архивные материалы на богословские и церковно-общественные темы.

Сам священник Павел Флоренский издал «Службу Софии Премудрости Божией» (7), труды и письма А. М. Бухарева (архимандрита Феодора) (9; 24; 26; см. также 47; 51; 65; 74), письма протоиерея Валентина Амфитеатрова к архимандриту Серапиону (Машкину) и его матери (15, см. также 1; 22), письма Ф. Д. Самарина к священнику Павлу Флоренскому (25), письма и материалы профессоров МДА (12; 19—21), епископа Игнатия (Брянчанинова) (10; см. также 60—64; 99, 101; 72), воспоминания митрополита Московского Леонтия (11).

К некоторым публикациям, помещенным в «Богословском вестнике», священник Павел Флоренский делал краткие пояснительные примечания, которые подписывал инициалами «П. Ф.» или «Ред.». Можно предполагать, что отец Павел лично помогал в поиске этих материалов и их прочтении, но не относил к своим публикациям. Среди таких публикаций материалы митрополита Московского Филарета (100; 101; 55), епископа Игнатия (Брянчанинова) (60—64; 99; 101; 72), архиепископа Тверского и Кашинского Антония (Коржавина) (46), архиепископа Могилевского Евсевия (58), епископа Архангельского Аарона (Нарциссова) (39), профессора МДА протоиерея Феодора Голубинского (83; 92), ректора и профессора МДА протоиерея Александра Горского (54; 55; 58), по истории МДА (70) А. М. Бухарева (архимандрита Феодора) (47; 51; 65; 74), М. Н. Каткова (67), А. Адр. Киреева-Ртищева (68), К. Н. Леонтьева (75—78; см. также 40), В. С. Соловьева (90; 91), С. Н. Фишер (87), А. В. Мартынова (81).

Священник Павел Флоренский, как редактор журнала, делал примечания и к некоторым чужим авторским работам (52; 71; 73).

Кроме «Службы Софии Премудрости Божией», на страницах «Богословского вестника» впервые появились Служба преподобному Сильвестру Обнорскому (57), Акафист святителю Питириму, епископу Тамбовскому (45), Служба и Акафист святителю Ермогену, Патриарху Московскому и всея Руси (56).

По предложению отца Павла священник И. М. Смирнов составил «Указатель описаний славяно-русских рукописей отечественных и заграничных книгохранилищ» (89)¹⁰.

В «Богословском вестнике» в 1914—1916 годах (№ 10/12 за каждый год) были осуществлены юбилейные публикации по истории Московской Духовной Академии (к 100-летию, 101-му и 102-му годам существования). Священник Павел Флоренский совместно с Ф. К. Андреевым в 1915 году составил и напечатал воззвание «От юбилейной комиссии МДА» (17), в котором обращался с просьбой о сборе и предоставлении материалов по истории МДА для публикации. Среди сотрудников, сообщавших и готовивших эти и другие материалы, были Александров А. А. (40; 76), священник Александр Белоруков (9; 47; 51; 58), Голубцов И. А. (92), иеромонах Игнатий (Садковский) (60; 61; 99; 101), Каптерев П. Н. (55; 57; 70), протоиерей Валерян Лаврский (9; 24; 26), Новоселов М. А. (12; 46; 62—64; 90), Соловьев С. М. (91), Троцкий А. П. (39), протоиерей Иосиф Фудель (75; 77; 87), а также женщины, что было необычным для богословских журналов: Бухарева А. С. (9; 24), Верховцева В. (52), Куприянова А. Н. (72; 73), Лебедева Е. А. (9; 20; 21; 24; 51; 74), Мартынова Е. Н. (81), Фишер С. Н. и ее ученицы (67; 87). Издание книги А. М. Бухарева (архимандрита Феодора) «Исследования Апокалипсиса» (Сергиев Посад, 1916, 651 с.) (9) по трем спискам, где расшифровка каждой строки была подобна археологическим раскопкам, должно быть признано образцом богословско-археологической работы. К тому времени священник Павел Флоренский создал не номинальную, а действительную редакцию и поэтому поставил на титульном листе книги «Исследования Апокалипсиса» общее имя издательского коллектива — «Издание редакции «Богословского вестника».

О том, что направление «Богословского вестника» в публикации писем, дневников, воспоминаний и других материалов личного характера было глубоко продуманным и дальновидным, свидетельствует письмо священника Павла Флоренского А. С. Глинке (Волжскому) от 11 июля 1916 года: «Смерть косит вокруг меня обильную жатву, а мне мучительно хочется запечатлеть и сохранить прошлое — не для

себя, а для детей своих. И я весь ушел в соби́рание сведений, воспоминаний, в архивную работу, «никому не нужную», по единодушному, хотя и всегда откровенно выражаемому признанию чуть ли не всех меня окружающих».

Большая часть публикаций «Богословского вестника» в настоящее время может рассматриваться как первоисточник, а тщательность, с какой они выполнены, и сопроводительный научный аппарат ставят «Богословский вестник» 1912—1917 годов в ряд лучших археографических журналов. Содержательность публикаций «Богословского вестника» видна из того, что с течением времени они не только не устарели, но приобретают все большую ценность в самых различных областях культуры и знания.

Материальное положение журнала и количество его подписчиков с 1912 по 1917 год колебались. После того, как «Богословский вестник» возглавил священник Павел Флоренский, начался рост подписчиков (1912—800; 1913—860; 1914—890). Первая мировая война уменьшила количество подписчиков (1915—840; 1916—810), вызвала вздорожание типографских работ, материалов и бумаги. Это так ухудшило хозяйственное состояние журнала, что заставило просить дополнительные субсидии (33, с. 23 (паг. 2-я); 30; с. 616—621; 66).

После Февральской революции, 13 марта 1917 года, в Московской Духовной Академии под влиянием антицерковных настроений, выгодных буржуазно-либеральным кругам, проф. Б. В. Титлинов, командированный обер-прокурором Святейшего Синода, провел ревизию. 9—10 апреля 1917 года в МДА прибыл сам обер-прокурор Святейшего Синода В. Н. Львов. Ректор МДА епископ Феодор согласно ревизии был уволен от должности 1 мая 1917 года и назначен управляющим, на правах настоятеля, Московским Даниловым монастырем (см. подробнее 44). Естественно, что священник Павел Флоренский, как редактор «Богословского вестника», назначенный и поддерживаемый епископом Феодором, должен был тоже покинуть свою должность. Хотя формально отец Павел был переизбран в должности редактора «Богословского вестника» 4 мая, вопрос об его уходе был предreshен еще в марте. Сразу после ревизии Титлинова Б. В., 20 марта 1917 года, отец Павел подал епископу Феодору прошение об освобождении от обязанностей редактора «ввиду [...] утомления от редакторских дел, особенно усилившихся в текущий учебный год, вследствие неизменения корректоров-студентов». Об истинной причине ухода отец Павел писал архиепископу Харьковскому Антонию 23 июня 1917 года: «Я поспешил отказаться сам, не имея ни малейшего желания развивать идеологию хамократической церкви* и не желая также быть выставленным товариществу своими сотоварищами». Позиция отца Павла была по достоинству оценена архиепископом Антонием, который писал ему 16 июня 1917 года: «Всечестной батюшка о. Павел [...] Господь да вознаградит Вас за благородство в отношении к Преосв. Феодору. Преданный душевно А[рхиепископ] Антоний».

4 мая Совет МДА избрал редактором «Богословского вестника» проф. М. М. Тареева (48, с. 119). Став во главе журнала, М. М. Тареев опубликовал ряд своих статей (93; 95; 96), в которых отказывался от святоотеческого предания и традиций русской богословской науки в угоду самому разнузданному протестантизму. Была резко изменена и общественная ориентация «Богословского вестника» (1917, № 6—12; 1918, № 1/2; 3/5; 6; 7/8; 9): из церковно-научного органа Московской Духовной Академии он был превращен в общественно-политический орган буржуазии, опустившийся до публикации статей, опорочивающих старую Академию. Его прекращение, с точки зрения внутренней, явилось закономерным следствием измены духу церковности и академических традициям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Если кантианство как дух нового времени было враждебно отцу Павлу, то платонизм как наиболее жизненное проявление философии идеализма всегда вызывал целый поток дружественных мыслей, чувств и впечатлений, близких сердцу. Он прикоснулся к платонизму еще в юности, но не в классах гимназии, а ощутил его среди природы, и от этого навсегда остались сплестшиеся в одно целое впечатления «солнечного зноя, горячих скал, серых, грязно-зеленоватых и ржаво-красных лишаев, глубоких синих далей, тонкой каменной резьбы полуразрушенных древних храмов, выжженных полей, карабкающихся где-нибудь по кручам коз, темной синевы небес,

* Такой резкой оценке подверг отец Павел надвигавшееся обновленчество и его идеологов.

сухого ковыля, летящего в горячем ветре, воздуха, окутывающего строгим благовоением богородичной травки, горной полыни и мяты, ломких иммортелей и других горных трав, и, наконец, потоков слепящего света» (23, с. 69—70). Эти впечатления слились с образом друга детства В. Ф. Эрн, с которым отец Павел в юности вместе бродил по лесам и по скалам Кавказа и «на горных прогалинах и на разогретых солнцем каменных уступах» читал Платона (23, с. 69).

Совместное изучение платонизма продолжалось и дальше — в университетские годы и в пору зрелости, когда друзья гостили один у другого. Общая им обоим мысль, неоднократно обсуждавшаяся, заключалась в том, что «философские воззрения Платона суть диалектическая проработка его биографически личного мистического опыта» (23, с. 71). При этом отец Павел, в отличие от В. Ф. Эрн (см. 103), вскрывал антиномичность мистического опыта Платона: солнечной, аполлонийской стороне платонизма, в которой являет себя светоносная природа Горнего мира, противостоит ночная, дионисическая сторона платонизма — творческий мрак пещерных посвящений. Жизненность платонизма состоит в его мистическом равновесии и в предельной широте, в общечеловечности.

² В. В. Розанов опубликовал письмо «профессора священника Московской Духовной Академии» с рассказом об исповеди солдат на фронте в начале декабря 1914 года (86). Этим профессором священником был отец Павел Флоренский. Вероятно, готовясь к поездке, отец Павел в декабре 1914 года исповедовал солдат, побывавших на фронте, в Москве или в Сергиевом Посаде.

³ В рецензии на магистерскую диссертацию священника Павла Флоренского епископ Феодор подчеркивал, что Совет МДА рассматривает не книгу «Столп и утверждение Истины», успевшую выйти в 1914 г. до диспута, но ее предыдущее издание под названием «О духовной Истине» (М., 1912) (98, с. 3). Но в издании 1912/1913 г. уже находились главы «София», «Дружба» и «Ревность», которые не рассматривались рецензентом. Правильнее было бы сказать, что епископ Феодор рецензировал специальный выпуск книги «О духовной Истине» (1912/1914). Протоиерей Георгий Флоровский подтверждает это: «Кроме общедоступного издания этой книги, было еще другое, сокращенное (только первые 8 глав, то есть без глав о Софии) и под другим заголовком («О духовной Истине»), не поступившее в продажу и приспособленное для представления в качестве диссертации» (102, с. 570). Таким образом, книга «Столп» известна ныне в 4-х редакциях: 1) П. Флоренский. Столп и утверждение Истины (письма к Другу). М., 1908. 163 с. + 26 с. (кандидатское сочинение); 2) Священник Павел Флоренский. О духовной Истине. Опыт православной теодицеи. Вып. 1—2. М., 1912/1913. 534 с. + LXXIII с. (предполагалась в качестве магистерской работы); 3) Священник Павел Флоренский. Опыт православной теодицеи. (Столп и утверждение Истины). М., 1912/1914 (?) 251 с. + LXX с. (защита в качестве магистерской работы); 4) Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах священника Павла Флоренского. М., 1914. 814 с. Различные редакции книги отличаются не только разным составом глав и примечаний, но и наличием лирических вступлений к письмам, а также смысловой и стилистической правкой основного содержания. Текстологическая работа по сличению четырех редакций «Столпа» еще никем не проводилась.

⁴ С «легкой» руки популяризаторов некоторые высказывания архиепископа Харьковского Антония переходят из издания в издание, без всякой попытки сопоставить их, во-первых, между собою, а во-вторых, с реальными фактами общественно-церковной жизни. Так, С. И. Фудель писал: «Помню в дореволюционном миссионерском журнале статью одного архимандрита, в которой говорилось, что книга Флоренского — это «букет ересей». О том же намекает Бердяев. Флоровский пишет: «В нем очень явственный налет богословской прелести; архиепископ Антоний, недолго думая, назвал «Столп» — «хлыстовским бредом» (97, с. 89—90). Те же высказывания в передаче другого лица выглядят совершенно иначе. «Мне рассказывал впоследствии архимандрит Илармон, — вспоминал С. А. Волков, — что такой знаменитый в те годы ученый архиепископ Антоний, прочитав эту книгу, отозвался о ней так: «Или я уже ничего больше не смыслю в философии и богословии, или это — просто хлыстовский бред!» Илармон, рассказывая об этом в 1919 году, добавил, что он, хотя и очень уважает и чтит Владыку Антония, видя в нем «столп Православия», однако готов согласиться лишь с первой половиной его суждения, так как Антоний-де, занятый делами церковного управления и общественности, «порядком поотстал от философии и недооценивает ее новейших направлений» (53). Как видно, даже различная передача одних и тех же слов существенно меняет их смысл. Но кроме кулуарных высказываний, есть и реальные факты. Факты же эти таковы, что именно архиепископ

Харьковский Антоний делал Святейшему Синоду 10 августа 1914 г. донесение № 318 с отзывом о магистерской работе священника Павла Флоренского (31, с. 579—580), согласно которому он был утвержден в степени магистра богословия. Необходимо обратить внимание и еще на одну деталь. Решение об одобрительном отзыве архиепископ Антоний принял после прочтения 136 страниц, то есть прочитав главу четвертую «Утешитель», которая более всего подвергалась критике.

Заметим, что уже само назначение архиепископа Антония в качестве рецензента работы отца Павла для Святейшего Синода было не очень корректно, так как они стояли на различных позициях как вообще в области богословия и христианской философии, так и в разгоревшейся в 1913 году полемике относительно имсеславия. К чести архиепископа Антония, он сумел подняться над личными разногласиями и объективно отнестись к магистерской работе отца Павла. Сам отец Павел вспоминал, что, несмотря на сложность своих отношений с архиепископом Антонием, Владыка дважды заступился за него в критические моменты (в 1914 и 1916 гг.).

«6-го февраля, ночь (1916 г.). 4-го числа была память о. Исидора. Это день его упокоения и день его Ангела. В этот же день пришел сюрприз от о. архимандрита Никанора (Н. П. Кудрявцева). Об этой выходке его против меня я слышал ранее смутно, причем слух шел от Преосв. ректора. Статья его — критика «Столпа» помещена в «Миссионерском обозрении» за 1916 г. № 1; это лишь начало. О. Иларий говорил мне, что эта критика побывала в разных редакциях, но везде терпела отказ; между прочим и печатание ее в «Вере и разуме» отклонил архиепископ Харьковский Антоний. Этот последний много наговаривал на меня устно; но вот уже второй раз он оказывает мне покровительство. О статье о. Никанора скажу лишь: «Благо мне, яко смирил мя еси». Меня столько хвалили, что пора и поругать. Не хорошо лишь, что статья написана с нескрываемой злобой; этого последнего обстоятельства я не понимаю, ибо, право же, не нахожу в себе вины пред о. Никанором, который уже неоднократно и в Академии, и вне ее делал на меня разные нападения. Но я пострадал вчера от души помолиться об этом человеке. Очень может быть, что злоба его в значительной мере от его астмы. Впрочем, Господь да помилует и его, и меня. «Благо мне, яко смирил мя еси» (из дневниковых записей отца Павла).

Переписка отца Павла с архиепископом Антонием подтверждает, что их личные взаимоотношения от холодно-официальных изменились впоследствии к искренне-дружественным. Мы считаем важным отметить этот факт не для того, чтобы затушевать их принципиальные разногласия, но для того, чтобы, во-первых, снять ложные штампы, кочующие из одной работы в другую, а во-вторых, показать, что несмотря на разногласия между архиепископом Антонием и отцом Павлом существовало и взаимное уважение, взаимное признание, которое выразилось и в официальных, и в лично-дружественных отношениях.

⁵ Отец Павел впоследствии считал, что со второй задачей он «не справился» и в 20-е годы вспоминал: «О русском Православии писали мало, а между тем, это совсем особенное Православие. В журналах писалось небрежно и иногда невесть что. Я стеснялся писать в редактируемом мною журнале, это была моя ошибка (не логическая, не наказуемая)».

⁶ По всей вероятности здесь имеется в виду работа М. Тареева «Критика экономического учения Маркса» (94), которая в течение целого полугодия печаталась на страницах «Богословского вестника». В письме к архиепископу Антонию 29 декабря 1915 года отец Павел писал также: «Согласитесь сами, ведь не виноват же я в статьях «Б. В.», печатавшихся в 1905 году и ранее; да даже и в настоящих далеко не всегда я могу считать себя ответственным, т. к. целый ряд лиц пишет, ничуть не завысив от моих желаний и соображений».

⁷ Например, на иконе Покрова Божией Матери, подаренной настоятелю Зосимовой пустыни, имеется следующая надпись: «Его Высокопреподобно достоуважаемому и дорогому о. игумену Герману от признательных детей его духовных: епископ Феодор, архимандрит Филипп, архимандрит Симеон [ректор Тамбовской духовной семинарии?], Дмитрий Введенский, свящ. Павел Флоренский, Михаил Новоселов, Владимир Кожевников, иеромонах Герман, иеромонах Тихон, иеромонах Серафим, иеромонах Николай, иеромонах Пантелеимон [Успенский], иеромонах Варлаам, свящ. Илия Четверухин, иеродиакон Симеон, иеродиакон Игнатий [Садковский?], иеродиакон Феофил, Феодор Андреев, Георгий Садковский, Николай Ремов [впоследствии архиепископ Варфоломей]. Московская Духовная Академия. 12 мая 1911 года» (см. также 84).

⁸ Вот как, например, оценивал епископ Феодор серию книг религиозно-философской библиотеки, издававшуюся М. А. Новоселовым: «Мы рекомендуем человеку, не

утерявшему интереса к вопросам веры и христианской жизни, все выпуски «Религиозно-философской библиотеки».

Впечатление получается у прочитавшего все эти выпуски, особенно, если он знаком с духом и направлением нашей современной, так называемой ученой богословско-философской мысли, такое, как будто в мутную воду вдруг пущена струя чистой ключевой воды или в душную атмосферу — струя светлого, чистого воздуха.

...Несомненно, благодаря тому, что нами забыты духовные сокровища богословствования святых отцов, и замечается теперь такой упадок продуктивности богословской мысли. Куда пойдет по этой дороге наша богословская мысль — угадать трудно. Когда утерян критерий истины, и нет уже руководства святоотеческого, блуждание возможно и широкое, и свободное... если богословская мысль и работа не возвратятся к тем забытым сокровищам духа, которые способны, как бы живой водой, окроплять сухой скелет нашей богословской науки и ввести в него дыхание жизни. Это воистину будет освобождение из тяжкого плена и вступление на новый и в то же время на старый путь богословствования. С этой точки зрения вступления богословской мысли на истинный путь своей работы, мы и приветствуем издания «Религиозно-философской библиотеки» М. А. Новоселова. В этом отношении первый же выпуск, по самому уже названию, может рассматриваться как бы программным для всех последующих изданий: *«Забытый путь опытного Богопознания»*... Среди вышедших выпусков есть и такие, которые посвящены вопросам, выдвинутым потребностями современной жизни. Но и здесь издатель берет для решения этих вопросов не чуждую нам западную мысль, а главным образом мысль лучших наших же русских мыслителей... И здесь у него, как и в религиозных специально выпусках, остается девизом: нужно идти к своим родным великанам мысли и духовного творчества. В этом отношении выпуски и специально богословские, и философские идут одинаковым путем... Кто знает, какую роль могут сыграть эти небольшие книжки «Религиозно-философской библиотеки» в деле поворота нашей богословско-философской мысли на забытый и брошенный путь? Дай Бог, чтобы миссия этих изданий увенчалась успехом» (Таврические епархиальные ведомости, 1909, № 8 — цит. по: 84).

⁹ Об особом интересе отца Павла к творениям преподобного Симеона Нового Богослова свидетельствует перевод «Молитвы преподобного Симеона к Духу Святому», сделанный им еще в 1907 г. (2).

¹⁰ На одном из экземпляров отдельного оттиска этой работы сохранился автограф: «Многоуважаемому Павлу Александровичу Флоренскому с благодарностью за идею. Составитель. 1916, XII, 4».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ*

Труды священника Павла Флоренского

1 (16). Письма и наброски архимандрита Серапиона Машкина. Изд. П. Флоренский. — В кн.: Вопросы религии. М., 1906, вып. 1, с. 174—220.

2 (20). Молитва Симеона Нового Богослова (XI в.) к Духу Святому. Перев. с латин. П. Флоренский. — Христианин, 1907, т. I, № 2, с. 245—247.

3 (32). Космологические антинормы Иммануила Канта. — БВ, 1909, № 4, с. 597—625.

4 (33). Общечеловеческие корни идеализма. — БВ, 1909, № 2, с. 284—297; № 3, с. 409—423.

* Печатные труды священника Павла Флоренского приводятся в хронологическом порядке, по году публикации. На первый порядковый номер делается ссылка в данной работе; в скобках стоит порядковый номер, под которым закреплена работа в «Указателе печатных трудов священника Павла Флоренского» (см.: Богословские труды. М., 1982, с. 281—309). Источники печатные и литература приводятся в алфавитном порядке. В литературу включены лишь некоторые из материалов, упомянутых в статье, которые печатались в «Богословском вестнике» (БВ). Сведения о публикации остальных материалов можно найти или по ссылке в тексте, или по следующей работе: «Указатель к журналу «Богословский вестник», издаваемый МДА. Годы 1912—1918. С прибавлением алфавитного указателя собственных имен» [Предисл. В. М. Попова]. Ленинград. Православная Духовная Академия. 1951. Машиннопись МДА. Ряд рукописных материалов расшифрован П. В. Флоренским и С. З. Трубачевым, за что приношу им искреннюю благодарность.

- 5 (43). Объявление о подписке на «Богословский вестник» в 1913 г.— БВ, 1912, т. 3, № 10, с. 1—4.
- 6 (48). «Богословский вестник» [МДА], 1912, № 11—1917, № 4/5. Редактор — священник Павел Флоренский.
- 7 (49). Служба Софии Премудрости Божин. Изд. по рукописи с послесловием «От издателя» священника Павла Флоренского (с. 20—23).— БВ, 1912, т. I, № 2, с. 1—23.
- 8 (52). О Духовной Истине. Опыт православной феоидеи. Вып. [1]—2. М., 1913. (На обл. вып. I: 1912).
- 9 (64). Предисловие от издателей. — В кн.: Бухарев А. М. (Феодор, архимандрит). Исследования Апокалипсиса. Изд. редакции «Богословского вестника». Сергиев Посад, 1916. Ранее издавалось в «Богословском вестнике» в 1913—1916 гг.
- 10 (65). «Во Христе сапер». К столкновению А. И. Герцена и Преподобного Игнатия Брянчанинова. Предисл. священника Павла Флоренского (с. 195—196). — БВ, 1913, № 2, с. 195—207.
- 11 (66). Леонтий, митрополит Московский. Мои заметки и воспоминания. Автобиографические записи. Изд. священник Павел Флоренский.— БВ, 1913, № 9, с. 142—170; № 10, с. 310—331; № 11, с. 610—623; № 12, с. 803—820; 1914, № 1, с. 137—153; № 2, с. 279—295; № 3, с. 538—560.
- 12 (67). Церковь и богословие. Отрывки из письма Н. П. Гилярова-Платонова к ректору Астраханской семинарии архимандриту Веннамину: Сообщ. М. А. Новоселов. Предисл. (с. 208—210) и прим. священника Павла Флоренского.— БВ, 1913, т. 1, № 2, с. 208—222.
- 13 (70). Разум и диалектика. — БВ, 1914, т. 2, № 9, с. 86—98. То же. Отд. отт. под загл.: «Вступительное слово перед защитою на степень магистра книги «О Духовной Истине». Москва, 1912 г., сказанное 19 мая 1914 г. Сергиев Посад, 1914.
- 14 (71). Столп и утверждение Истины. М., 1914.
- 15 (75). Письма о протоиерея В. Н. Амфитеатрова к Е. М. и к о. архимандриту Серапиону Машкиным. Изд. священник Павел Флоренский. — БВ, 1914, с. 327—350, № 7/8, с. 508—534.
- 16 (76). «Не восхождение нещеза» (Флп. 2, 6—8). (К суждению о мистике). — БВ, 1915, т. 2, № 7, с. 512—562.
- 17 (79). От юбилейной комиссии МДА.—БВ, 1915, т. 3, № 10/12, с. 2. обл.
- 18 (80). Смысл идеализма. Пропедевтические лекции к ряду чтений из истории платонизма, читанных студентам первого курса МДА.— В кн.: В память столетия (1814—1914) МДА. Сборник статей, принадлежащих бывшим и настоящим членам академической корпорации. Ч. 2. Сергиев Посад, 1915, с. 41—134.
- 19 (96). К биографии протоиерея Н. И. Надеждина.— БВ, 1916, т. I, № 2, с. 327—331. Изд. священник Павел Флоренский.
- 20 (97). Переписка протоиереев С. К. Смирнова, ректора МДА, и А. А. Лебедева. Изд. священник Павел Флоренский. — БВ, 1916, № 10/12, с. 336—369.
- 21 (98). Письма профессоров МДА: Дм. Ф. Голубинского, А. Ф. Лаврова-Платонова (архиепископа Литовского Алексия), В. Д. Кудрявцева, П. И. Горского-Платонова, Е. Е. Голубинского, А. Н. Лебедева, И. И. Субботина, Д. Ф. Касицына, П. И. Цветкова, В. Ф. Кипарисова и П. Н. Корсунского к протоиерею Петроградского Казанского собора А. А. Лебедеву. Сообщ. Е. А. Лебедевой. Изд. священник Павел Флоренский.— БВ, 1916, № 10/12, с. 379—490.
- 22 (100). Данные к жизнеописанию архимандрита Серапиона (Машкина) — БВ, 1917, № 2/3, с. 317—354.
- 23 (102). Памяти В. Ф. Эрн. — «Христианская мысль», 1917, № 11/12, с. 69—74.
- 24 (105). Бухарев А. М. (архимандрит Феодор). О послании к Римлянам. Изд. священник Павел Флоренский.— БВ, 1917, № 2/3, с. 1—48; № 4/5, с. 49—64; № 10/12, с. 65—72.
- 25 (106). Несколько писем Ф. Д. Самарина к свящ. П. А. Флоренскому. Изд. священник Павел Флоренский.— БВ, 1917, № 4/5, с. 464—477.
- 26 (109). Письма архимандрита Феодора (А. М. Бухарева) к казанским друзьям: В. В. Любимовой, А. И. Дубровиной и протоиерею В. В. Лаврскому. Изд. и примеч. священника Павла Флоренского. Сергиев Посад, 1917. Ранее издавались — БВ, 1917, № 2/3, с. 267—304; № 4/5, с. 523—618.
- 27 (111). Троице-Сергиева Лавра и Россия. — В кн.: Троице-Сергиева Лавра. Сергиев Посад, 1919, с. 3—29.

Источники печатные

28. Журналы собраний Совета имп. Московской Духовной Академии (далее — Журналы МДА) за 1908 год. Сергиев Посад, 1909.
29. Журналы МДА за 1910 год. Сергиев Посад, 1911.
30. Журналы МДА за 1912 год. Сергиев Посад, 1913.
31. Журналы МДА за 1914 год. Сергиев Посад, 1916.
32. Журналы МДА за 1915 год. Сергиев Посад, 1917.
33. Журналы МДА за 1916 год. — «Богословский вестник», 1917, № 1.
34. Отчет о состоянии МДА в 1910/1911 учебном году. Сергиев Посад, 1911.

Источники архивные

35. ЦГИАМ, ф. 229, оп. 3, д. 367, л. 4—4 об. (копия «Представления», № 245).
36. ЦГИАМ, ф. 229, оп. 4, д. 5247 — Личное дело экстраординарного профессора МДА священника П. А. Флоренского.
37. Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина (ОРГБЛ), ф. 25.24.18.
38. Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (ОРГПБ), ф. 194, архив Н. Н. Глубоковского, оп. 1, д. 891.

Литература

39. Аарон, епископ Архангельский (Нарциссов). Из литературного наследия... Сообщ. А. П. Троицкий. — БВ, 1914, № 9/10, с. 611—639. Предисл. ред., с. 611—612.
40. Александров А. Памяти К. Н. Леонтьева. — БВ, 1915, № 2, с. 241—260.
41. Анастасий Синаит, преподобный. Из слова об образе Божиим. Перев. В. Металлов. — БВ, 1915, № 7/8, с. 382—404.
42. Андроник, иеродиакон (Трубачев). Епископ Антоний (Флоренсов) — духовник священника Павла Флоренского — «Журнал Московской Патриархии», 1981, № 9. с. 71—77; № 10, с. 65—73.
43. Андроник, иеромонах (ныне игумен) (Трубачев). Священник Павел Флоренский. Личность, жизнь и творчество. Теодицея и антроподицея. Кандидатское сочинение. МДА, 1984. На правах рукописи.
44. Андроник, игумен (Трубачев). Священник Павел Флоренский — профессор Московской Духовной Академии. — В кн.: Сборник, посвященный 300-летию МДА. М., 1986, с. 226—246.
45. Аносов Ив. Акафист иже во святых отцу нашему Питириму, епископу Тамбовскому и Козловскому. — БВ, 1916, № 6, с. 211—218. Примеч. ред., с. 211.
46. Антоний (Коржавин), архиепископ Тверской и Кашинский. План составления «Лестницы» (небесной) преподобным Иоанном Лествичником. Сообщ. М. А. Новоселов. — БВ, 1916, № 1, с. 77—79. Примеч. ред., с. 77.
47. Белоруков А., священник. Внутренний перелом в жизни А. И. Бухарева (архимандрита Феодора). — БВ, 1915, № 10/12, с. 785—867. Во вступит. примеч. священника Павла Флоренского указывается, что новые материалы об А. М. Бухареве обработаны по его просьбе, с. 785.
48. «Богословский вестник», 1917, № 6/7.
49. Булгаков Сергей (протоиерей). Библиография. Сост. К. Наумов. Париж, 1984.
50. Булгаков Сергей, протоиерей. Священник отец Павел Флоренский. — Вестник русского студенческого христианского движения, 1971, № 101/102, с. 126—135.
51. Бухарев А. М. (архимандрит Феодор). Письма к А. А. Лебевеву. — БВ, 1915, № 10/12, с. 413—544. Примеч. священника А. Белорукова, частично по сообщ. Е. А. Лебевевой, доставившей письма. Прим. без подписи, с. 413.
52. Верховцева В. Воспоминания об отце Иоанне Сергиеве. — БВ, 1916, №№ 10—12, с. 511—535. Примеч. ред., с. 511.
53. Волков С. А. Московская Духовная Академия в 1917—1920 годах. Воспоминания бывшего студента Академии. Загорск, МДА, 1965. На правах рукописи.
54. Горский Александр, протоиерей. Неизданные места из «Дневника». Публ. священника А. М. Белорукова. — БВ, 1914, № 9/10, с. 367—423. Примеч. ред., с. 367.
55. Горский Александр, протоиерей. Разные случаи, бывшие по молитвам митрополита Филарета. Публ. П. Н. Каптерева. — БВ, 1914, № 9/10, с. 365—366. Примеч. ред., с. 365.
56. Гумилевский Илья, священник. Служба и акафист святителю Ермогену, Патриарху всея Руси. — БВ, 1916, № 9, с. 3—26.
57. Дело о несостоявшейся канонизации Сильвестра Обнорского. Переписка и до-

- кументы. Сообщ. П. К[аптерев].—БВ, 1915, № 10/12, с. 545—562. Предисл. без подписи. Примеч. священника Павла Флоренского, с. 547.
58. *Евсевий*, архиепископ Могилевский. Письма к А. В. Горскому.—БВ, 1914, № 10/11, с. 534. Примеч. ред., с. 534.
59. *И.* Магистерский диспут в имп. Московской Духовной Академии.—«Московские ведомости», 21 мая 1914, № 116.
60. *Игнатий*, епископ (Брянчанинов). Изречения, извлеченные из писем его к монахам. Сообщ. иеромонах Игнатий (Садковский).—БВ, 1913, № 4, с. 703—723. Примеч. без подписи, с. 703.
61. *Игнатий*, епископ (Брянчанинов). Письма к разным лицам. [Вып. I]. Сообщ. иеромонах Игнатий (Садковский).—БВ, 1913, № 6, с. 195—226; №№ 7—8, с. 488—519; № 9, с. 1—32; № 10, с. 221—229; № 11, с. 437—475. То же. Сергиев Посад. 1913. Примеч. без подписи, с. 1.
62. *Игнатий*, епископ (Брянчанинов). Письма к разным лицам. [Вып. II]. Сообщ. М. Н. Новоселов, Е. Лебедев.—БВ, 1914, № 1, с. 5—12; № 2, с. 238—253; № 3, с. 429—449; № 4, с. 633—649; 1917, № 2, с. 179—237. То же. Сергиев Посад, 1917. Примеч. священника Павла Флоренского, с. 91, ред., с. 119.
63. *Игнатий*, епископ (Брянчанинов). Поучение в Неделю о самарянине. Сообщ. М. Н. Новоселов.—БВ, 1914, № 5, с. 1—5. Примечание без подписи, с. 1.
64. *Игнатий*, епископ (Брянчанинов). Поучение о спасении. Сообщ. М. Н. Новоселов.—БВ, 1914, № 1, с. 1—4.
65. *И. Д.* Кончина праведника... югского иеромонаха Адриана († 1853).—БВ, 1917, № 1, с. 74—76.
66. Из хозяйственной истории «Богословского вестника» за 25 лет.—БВ, 1916, № 10/12.
67. *Катков М. Н.* Классицизм и духовная школа. Письмо к Высокопреосвященнейшему Иоанникию, митрополиту Московскому [марта 1884 года]. Сообщ. С. Н. Фишер.—БВ, 1913, № 1, с. 6—9. Примеч. ред., с. 6.
68. *Киреев-Ртищев А. Адр.* Современные манихи (краткий очерк истории ма-сонства).—БВ, 1913, № 3, с. 419—425. Примеч. священника Павла Флоренского, с. 419.
69. *Кирилл Александрийский*, святой. Слово против тех, которые не хотят исповедовать Святую Деву Богородицу. Разговор с Несторием о том, что Святая Дева—Богородица, а не Христородица. Перев. священник Василий Дмитриев.—БВ, 1915, № 4, с. 667—692.
70. К истории первого магистерского диспута в МДА. Сообщ. П. К[аптерев].—БВ, 1915, № 10/12, с. 396—412. Предисл. без подписи. Примеч. ред., с. 397.
71. *Колемин Ю.* Авторитет в вопросах веры.—БВ, 1915, № 5, с. 160—183. Примеч. ред., с. 160.
72. *Куприянова А.* Из семейных воспоминаний.—БВ, 1914, № 4, с. 650—663; № 5, с. 9—24; № 6, с. 265—274. Примеч. ред., № 5, с. 11—12.
73. *Куприянова А.* Провинциальные очерки.—БВ, 1917, № 4—5, с. 417—452. Примеч. ред., с. 417.
74. *Лебедева Е. А.* Воспоминания о протонерее Александре Алексеевиче Лебедеве.—БВ, 1916, № 10/12, с. 242—355. Примеч. ред., с. 250, 298.
75. *Леонтьев К. Н.* О богословствовании мирян. Сообщ. протонерей Иосиф Фудель.—БВ, 1913, № 1, с. 1—5.
76. *Леонтьев К. Н.* Письма к Анатолию Александрову. Предисл. и примеч. А. А. Александрова.—БВ, 1914, № 3, с. 450—467; № 4, с. 771—792; № 6, с. 275—303; № 12, с. 832—864; 1915, № 1, с. 1—31.
77. *Леонтьев К. Н.* Письмо о вере, молитве, о немощах духовенства и о самих себе. Сообщ. протонерей Иосиф Фудель.—БВ, 1914, № 2, с. 229—237.
78. *Леонтьев К. Н.* Четыре письма с Афона 1872 года.—БВ, 1912, № 11, с. 462—484; № 12, с. 689—709. Примеч. ред., с. 462.
79. *Максим Исповедник*, преподобный. Житие преподобного Максима и служба ему. Перев., изд. и примеч. проф. М. Д. Муретова.—БВ, 1913—1915. То же. Сергиев Посад, 1915.
80. *Максим Исповедник*, преподобный. Вопросыответы к Фалассию. Перев., изд. и примеч. С. Л. Епифановича.—БВ, 1916—1918 [не закончено].
81. *Мартынов А. В.* Академические письма к отцу (1878—1882). Сообщ. Е. Н. Мартынской.—БВ, 1915, № 10/12, с. 277—357. Примеч. ред., с. 277.
82. *Н. М. С.* Чествование М. А. Новоселова. — «Московские ведомости», 1912, 9 ноября.

83. Письма В. П. Знаменского, А. А. Благовещенского и К. А. Невольны к протоиерею Ф. А. Голубинскому.— БВ, 1914, № 10/11, с. 276—313. Примеч. ред., с. 276.
84. Религиозно-философская библиотека. Список изданий и отзывы печати. М., 1911.
85. Религиозно-философская библиотека. Список изданий и отзывы печати. М., 1914.
86. Розанов В. В. О нашем «христолюбивом воинстве».— «Новое время», 1914, 3 декабря.
87. Светлой памяти Софии Николаевны Фишер. Воспоминания о ней прот. И. М. Фуделя и учениц ее М. Ф., Л. и С.— БВ, 1913, № 12, с. 885—904.
88. Симеон Новый Богослов, преподобный. Божественные гимны. Предисл. к гимнам ученика преподобного Симеона Никиты Стифата. Перев. с греч., вступит. статья иеромонаха Пантеленмона (Успенского). Сергиев Посад, 1917.
89. Смирнов И. М., священник. Указатель описаний славяно-русских рукописей отечественных и зарубежных книгохранилищ.— БВ, 1916, № 7/8, с. 1—16; № 9, с. 17—46.
90. Соловьев Вл. С. Неизданное письмо к некоторым студентам Московского Университета и к воспитанникам Технического училища. Сообщ. М. А. Новоселов.— БВ, 1912, № 11, с. 459—461. Предисл. без подписи, с. 459.
91. Соловьев Вл. С. Письма к брату Михаилу. Сообщ. С. М. Соловьев.— БВ, 1915, № 9, с. 41—67; 1916, № 1, с. 3—35.
92. Стурдза А. Два письма к протоиерею Ф. А. Голубинскому. Сообщ. И. А. Голубцов.— БВ, 1915, № 10/12, с. 233—238. Примеч. без подписи, с. 233.
93. Тареев М. М. Идеология социализма.— «Богословский вестник», 1918, № 1/2, № 3/5, № 6/9.
94. Тареев М. М. Критика экономического учения Маркса.— БВ, 1912, № 7/8, с. 596—651; № 9, с. 1—37; № 10, с. 328—361; № 11, с. 569—605; № 12, с. 739—759.
95. Тареев М. М. Новое богословие.— БВ, 1917, № 6/7, с. 3—53; № 3/9, с. 168—224.
96. Тареев М. М. Церковь и богословие.— БВ, 1917, № 10/12.
97. Уделов Ф. (Фудель С. И.). Отец Павел Флоренский. Париж, 1972.
98. Феодор, епископ (Поздеевский). Рец.: «О духовной Истине. Опыт православной Феодицеи» («Столп и утверждение Истины») свящ. П. Флоренского. Сергиев Посад, 1914.
99. Филарет, митрополит Киевский (Амфитеатров). Письма к настоятелю Троицкой Сергиевой пустыни архимандриту (впоследствии епископу) Игнатию Брянчанinovу. Сообщ. иеромонах Игнатий (Садковский).— БВ, 1913, № 3, с. 405—417. Примеч. священника Павла Флоренского, с. 406, 411.
100. Филарет, митрополит Московский (Дроздов). Заметки и письма.— БВ, 1916, № 10/12, с. 231—238. Примеч. ред., с. 231.
101. Филарет, митрополит Московский (Дроздов). Письма к настоятелю Троицкой Сергиевой пустыни архимандриту (впоследствии епископу) Игнатию Брянчанinovу (1833—1842 гг.). Сообщ. иеромонах Игнатий (Садковский).— БВ, 1912, № 12, с. 682—688. Примеч. ред., с. 682.
102. Флоровский Георгий, протоиерей. Пути русского богословия. Париж, 1937.
103. Эрн В. Ф. Верховное постижение Платона.— «Вопросы философии и психологии», 1917, кн. 137—138.
104. Эрн В. Ф. Письма о христианском Риме.— БВ, 1912, № 11, с. 561—568; № 12, с. 760—771; 1913, № 1, с. 104—114; № 9, с. 77—86.
105. Эрн В. Ф. Природа мысли.— БВ, 1913, № 3, с. 501—531, № 4, с. 803—843; № 5, с. 107—120.